

ТУЛЬСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

15-го Іюля

№ 14.

1877 года.

І. РАСПОРЯЖЕНІЯ НАЧАЛЬСТВА,

ОПРЕДѢЛЕНІЯ СВ. СИНОДА.

Отъ 6 апрѣля (20 мая), -- О преподаваніи въ семинаріяхъ учебныхъ предметовъ.

Св. Синодъ слушали предложенный г. оберъ-прокуроромъ журналъ учебнаго комитета, по свѣдѣніямъ, представленнымъ преосвященными митрополитами: с.-петербургскимъ, кievскимъ, московскимъ и архіепископомъ казанскимъ, о приѣмѣ въ 1876 г. семинарскихъ воспитанниковъ въ духов. академіи. Приказали: Рассмотрѣвъ во всей подробности настоящій журналъ учеб. комитета, Св. Синодъ опредѣляетъ: изложенныя въ журналѣ комитета руководящія указанія относительно преподаванія въ духовныхъ семинаріяхъ учебныхъ предметовъ, поименованныхъ въ журналѣ, утвердить и для руководства и исполненія правленіямъ духовныхъ семинарій сообщить циркулярно чрезъ «Церковный Вѣстникъ» установленнымъ порядкомъ.

Журналъ учебнаго комитета при Св. Синодѣ.

Разсмотрѣвъ донесенія экзаменскихъ комиссій о результатахъ устныхъ и письменныхъ испытаній семинарскихъ воспитанниковъ при приѣмѣ ихъ въ академіи, учеб. комитетъ: 1) не находитъ достаточно твердыхъ основаній

къ тому, чтобы по удовлетворительнымъ или неудовлетворительнымъ отвѣтамъ воспитанниковъ той или другой семинаріи судить о состояніи преподаванія той или другой науки въ этой семинаріи, такъ какъ неудачные отвѣты могли зависѣть отъ случайныхъ причинъ: отъ личной малоуспѣшности воспитанниковъ въ той или другой наукѣ; отъ случайно попавшагося вопроса, который могъ быть малоизвѣстенъ воспитаннику, хотя и усердно занимавшемуся своимъ дѣломъ; отъ различныхъ требованій экзаменаторовъ, которымъ удовлетворить иногда трудно даже при хорошей подготовкѣ; и наконецъ, вслѣдствіе того, что изъ нѣкоторыхъ семинарій, за отказомъ лучшихъ воспитанниковъ, явились или посланы въ академіи менѣе подготовленные воспитанники.

2) Равнымъ образомъ учеб. комитетъ встрѣчаетъ не мало затрудненій и къ тому, чтобы всѣ заявленія академіи принять за указанія, какъ поставлено преподаваніе той или другой науки въ семинаріяхъ, какіе существуютъ въ этомъ преподаваніи недостатки или упущенія и проч. Не всѣ академіи назначаютъ одни и тѣже предметы для пріемнаго экзамена: по многимъ предметамъ испытаніе было только въ одной академіи, по нѣкоторымъ въ двухъ, и только по древнимъ языкамъ и сочиненіямъ во всѣхъ академіяхъ, и при томъ съ тою разницею, что въ трехъ академіяхъ воспитанникамъ предложено было на выборъ сдать экзаменъ по одному изъ древнихъ языковъ, а въ с.-петербургской—всѣ студенты обязательно подвергнуты были экзамену по обоимъ языкамъ. Посему учебный комитетъ, не придавая, въ настоящее время, своимъ заключеніямъ значенія общихъ и рѣшительныхъ выводовъ, полагалъ бы предложить оныя вниманію семинарскихъ начальствъ, какъ полезныя указанія для устраненія тѣхъ недостатковъ, какіе примѣчены въ отвѣтахъ семинарскихъ воспитанниковъ по предметамъ ихъ устныхъ испытаній въ августѣ 1876 г. и въ ихъ письменныхъ эспромптахъ.

Представленныя испытательными комиссіями заявленія касаются отвѣтовъ по догматическому богословію, церковной исторіи, русской исторіи, древнимъ языкамъ и экзаменскихъ сочиненій воспитанниковъ.

1) Въ отвѣтахъ воспитанниковъ по догматическому богословію кievскою и казанскою академіями замѣчено отсутствіе точнаго, положительнаго знанія догматическихъ вѣроопредѣленій, взаимнѣ чего воспитанники изъясняютъ догматы по своимъ личнымъ, неустойчивымъ и сбивчивымъ соображеніямъ. При этомъ замѣчены также: недостаточность знанія священныхъ текстовъ для подтвержденія догматовъ; незнаніе даже классическихъ мѣстъ св. писанія, какъ напримѣръ ветхозавѣтныхъ пророчествъ, и наконецъ скудость въ знаніяхъ вѣроисповѣдныхъ разностей относительно того или другаго пункта ученія православной церкви.

2) По общей церковной исторіи кievскою и казанскою академіями примѣчено у воспитанниковъ недостаточное знакомство съ новою церковною исторіею, особенно со времени паденія Византіи и со времени реформациі, и недостаточность церковно-географическихъ свѣдѣній, особенно (по замѣчанію кievской академіи) въ исторіи христіанскаго востока.

3) На испытаніяхъ по русской гражданской исторіи с.-петербургскою духовною академіею примѣчена въ отвѣтахъ нѣкоторыхъ студентовъ сбивчивость по тѣмъ отдѣламъ этой исторіи, которые въ семинаріяхъ преподаются вмѣстѣ съ событіями по всеобщей гражданской исторіи.

4) Замѣчанія объ испытаніяхъ по древнимъ языкамъ касаются двухъ предметовъ: а) студенты семинарій, избирая для экзамена одинъ изъ древнихъ языковъ, въ большинствѣ предпочитали греческій языкъ латинскому, и сравнительно хорошихъ отвѣтовъ по греческому языку было болѣе, нежели по латинскому; б) замѣченные экзаменаторами недостатки въ отвѣтахъ студентовъ по этимъ языкамъ заключаются въ томъ, что они обнаруживали малый лексическій запасъ словъ и не всегда удачно объясняли составныя части словъ; въ нѣкоторыхъ обнаружено было не твердое и сбивчивое знаніе этимологическихъ формъ языка, необстоятельное и механическое усвоеніе правилъ синтаксиса, особенно въ случаяхъ отступленій или видоизмѣненій такъ называемыхъ общихъ правилъ; по греческому языку многимъ недоставало знанія гомерическихъ формъ употребленія частицъ и нѣкоторыхъ

синтаксических особенностей (кіевская и казанская академіи). Несовершенствомъ въ устныхъ отвѣтахъ воспитанниковъ, по мнѣнію испытательной комиссіи московской академіи, должно признать недостаточное знаніе корнесловія, замѣченное въ большинствѣ испытуемыхъ. Случалось и то, что нѣкоторые изъ нихъ смѣшивали значеніе греческихъ словъ съ значеніемъ созвучныхъ латинскихъ. По отзывамъ кіевской и с.-петербургской академій воспитанники семинарій невнимательно относятся къ чтенію и часто дѣлаютъ ошибки противъ удареній и не только по латыни, но и по гречески. Многіе показали себя при томъ болѣе твердыми въ знаніи греческаго языка при устномъ испытаніи, нежели по письменному упражненію, состоявшему въ изложеніи собственныхъ мыслей о данномъ предметѣ.

5) Относительно сочиненій кіевская и с.-петербургская академіи дали отзывы, что, вообще говоря, они удовлетворительны, поелику обнаруживается въ нихъ достаточный навыкъ къ богословскому разсужденію и письменному изложенію своихъ мыслей; но при этомъ замѣтили, что не всѣ сочиненія обладаютъ, въ желаемой мѣрѣ, логическими достоинствами, иногда представляютъ даже *petitio principii*; въ нѣкоторыхъ случаяхъ обращаютъ на себя вниманіе невыработанность богословскаго языка и употребленіе словъ и выраженій, не соотвѣтствующихъ сущности дѣла; при шероховатости въ изложеніи встрѣчались даже грамматическія и орѳографическія ошибки и проч.

По поводу этихъ заявленій учеб. комитетъ полагалъ бы сдѣлать слѣдующія разъясненія и распоряженія.

1) Преподавателямъ догматическаго богословія въ семинаріяхъ вмѣнить въ обязанность, чтобы они заботились о строго точномъ изложеніи догматическихъ вѣроопредѣленій, требуя того же и отъ воспитанниковъ при повтореніи уроковъ и на экзаменахъ; при этомъ какъ исторія догмата должна быть изъясняема кратко и точно, такъ сущность его должна быть излагаема тѣми самыми словами и выраженіями, какія приняты для сего церковію и какими они излагаются въ символическихъ книгахъ православной церкви, съ непремѣннымъ и точнымъ указаніемъ тѣхъ мѣстъ св. писанія, какія признаны классиче-

скими по отношенію къ тому или другому догмату, какъ его основаніе или существенное разъясненіе, и, гдѣ нужно—съ указаніемъ контекста рѣчи. Стремленія и попытки воспитанниковъ, при отвѣтахъ на повтореніи или на экзаменахъ, замѣнить точныя формулы изложенія догмата своими собственными соображеніями и словами должны быть всемѣрно ограничиваемы, поелику въ такой точной наукѣ, какъ догматическое богословіе, всякое уклоненіе отъ принятаго изложенія, особенно если оно касается самаго существа догмата, легко можетъ повести къ неточности или спутанности въ понятіяхъ воспитанниковъ и во всякомъ случаѣ показываетъ со стороны ихъ нетвердое знаніе этого важнаго въ учебномъ курсѣ предмета. Такъ какъ далѣе, для полнаго разумѣнія православныхъ догматовъ, необходимо знаніе по крайней мѣрѣ главныхъ вѣроисповѣдныхъ разностей католическаго и протестантскаго вѣроученій, между тѣмъ въ семинарскомъ курсѣ нѣтъ для сего особой науки: то преподавателямъ догматическаго богословія, а также общей церковной исторіи принадлежитъ излагать и изъяснять указанные разности въ надлежащихъ мѣстахъ преподаваемыхъ ими наукъ, первымъ преимущественно съ догматической стороны по отношенію къ вѣроопредѣленіямъ православнаго богословія; послѣднимъ—съ исторической, въ связи съ послѣдовательнымъ ходомъ событій, изъ которыхъ возникли и развились эти уклоненія отъ православнаго ученія вселенской церкви.

2) Въ виду замѣченнаго академіями недостаточнаго знанія семинарскихъ воспитанниковъ съ новою церковною исторіею, особенно со времени паденія Византіи и со времени реформациі, рекомендовать преподавателямъ этого предмета обратить на это замѣчаніе особое вниманіе, тѣмъ болѣе, что указанная учеб. комитетомъ пособія по сему предмету даютъ возможность къ устраненію этого пробѣла въ преподаваніи; равнымъ образомъ поручить имъ знакомить воспитанниковъ съ церковною географіею, знаніе которой облегчитъ для нихъ отчетливое пониманіе хода историческихъ событій.

3) Преподаваніе новой русской исторіи (съ XVIII в.) по программѣ соединено съ изложеніемъ главныхъ собы-

тій общей гражданской исторіи, приче́мъ, какъ сказано въ объяснительной запискѣ къ программѣ, «русскія событія стоятъ на первомъ планѣ и разсматриваются съ большею полнотою; событія же прочихъ государствъ проходятся только въ главныхъ чертахъ, съ показаніемъ участія, какое принимала въ нихъ Россія. Такое соединеніе русской исторіи съ западною можетъ послужить вопервыхъ къ лучшему уясненію историческаго значенія Россіи и во вторыхъ къ сокращенію историческаго курса сообразно съ временемъ, назначеннымъ для него въ семинаріяхъ». При такой постановкѣ этого предмета, сдѣланное с.-петербургскою духовною академіею заявленіе, что студенты семинарій на пріемныхъ экзаменахъ обнаруживали нѣкоторую сбивчивость по тѣмъ отдѣламъ русской исторіи, которые въ семинаріяхъ преподаются вмѣстѣ съ событіями по всеобщей гражданской исторіи, вызвано, безъ сомнѣнія, не неудобствами программы, но неточностью въ ея выполненіи; посему учеб. комитетъ считаетъ необходимымъ разъяснить, что при изложеніи событій новой исторіи, начиная съ XVIII вѣка, главнымъ предметомъ должна быть русская исторія; изъ событій же общей исторіи должны быть излагаемы событія, болѣе выдающіяся, и притомъ только въ главныхъ чертахъ, въ связи съ событіями изъ русской исторіи и съ показаніемъ участія, которое принимала въ нихъ Россія.

4) Изъ представленныхъ испытательными комиссіями замѣчаній объ отвѣтахъ семинарскихъ воспитанниковъ по древнимъ языкамъ, первое, именно о сравнительно лучшихъ отвѣтахъ по греческому языку, объясняется тѣмъ, что для греческаго языка положено въ семинаріи болѣе уроковъ, нежели для латинскаго; при томъ же занятія греческимъ языкомъ, начиная съ 1 класса, продолжаются во все время семинарскаго курса, между тѣмъ какъ занятія латинскимъ языкомъ прекращаются съ переходомъ въ 5 классъ. Упражняясь въ 5 и 6 классахъ въ чтеніи отцевъ церкви по гречески, ученики не имѣютъ въ то же время, въ продолженіи двухъ лѣтъ, никакихъ упражненій въ латинскомъ языкѣ, а потому, конечно, мало помалу забываютъ его, что и обнаруживается на экзаменахъ при пріемѣ въ духовныя академіи. Естественною и вполне

цѣлесообразною мѣрою къ устраненію этого неудобства было бы введеніе въ курсы 5 и 6 классовъ семинаріи практическихъ упражненій въ латинскомъ языкѣ; но такъ какъ, при настоящемъ росписаніи учебныхъ предметовъ и распредѣленіи оныхъ между наставниками, это соединено съ весьма важными затрудненіями, то учебный комитетъ, въ настоящее время, не находитъ удобнымъ обратиться къ этой мѣрѣ и полагалъ бы только предложить семинарскимъ начальствамъ, дабы они рекомендовали по крайней мѣрѣ тѣмъ изъ воспитанниковъ 5 и 6 классовъ, которые по своимъ способностямъ могутъ и имѣютъ желаніе продолжить свое образованіе въ духовныхъ академіяхъ, не оставлять совершенно занятія латинскимъ языкомъ послѣ 4 класса, но стараться поддерживать свои познанія въ ономъ домашними практическими упражненіями въ этомъ языкѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ, вниманіе преподавателей древнихъ языковъ должно быть обращено на то, чтобы воспитанники болѣе разумно усвоили этимологическія формы и правила синтаксиса и вообще особенности того и другаго языка, чтобы при упражненіяхъ въ переводѣ съ древнихъ языковъ заучивали вновь встрѣчающіяся слова, а при переводахъ съ русскаго на древніе языки пріучаемы были употреблять латинскія и греческія слова, въ точности соотвѣтствующія тѣмъ понятіямъ, какія требуются смысломъ русскаго текста, и наконецъ, чтобы они внимательно относились къ чтенію и не дѣлали ошибокъ противъ удареній. Что же касается до недостаточнаго знанія воспитанниками корнесловія, то оно принадлежитъ болѣе къ области академической учености, нежели къ учебному семинарскому курсу, цѣль котораго будетъ достигнута въ достаточной мѣрѣ, если воспитанники семинарій въ состояніи будутъ съ достаточною свободою читать указанныхъ программу древнихъ авторовъ и также съ достаточною правильностію переводить съ русскаго на тотъ или другой изъ классическихъ языковъ.

5) По поводу заявленій испытательныхъ комиссій о замѣченныхъ ими недостаткахъ въ сочиненіяхъ семинарскихъ воспитанниковъ, учеб. комитетъ считаетъ долгомъ обратить на этотъ предметъ особенно заботливое вниманіе семинарскихъ начальствъ и преподавателей, подтвер-

дительно рекомендуя послѣднимъ руководствоваться въ этомъ указаніями, изложенными въ циркулярномъ указѣ Св. Синода, отъ 16 сентября 1875 г. Въ этихъ указаніяхъ съ надлежащею полнотою изъяснены всѣ тѣ общія условія, наблюденіе и примѣненіе которыхъ можетъ способствовать къ устраненію недостатковъ, замѣченныхъ въ сочиненіяхъ семинарскихъ воспитанниковъ, и къ поднятію въ семинаріяхъ этого рода занятій на ту степень, которая принадлежитъ имъ по ихъ важности. Учеб. комитетъ надѣется на это возвышеніе тѣмъ болѣе, что въ курсъ семинарскихъ наукъ со времени новаго устава введены всѣ главнѣйшія философскія науки, изученіе которыхъ, безъ сомнѣнія, должно способствовать какъ зрѣлости и твердости понятій, такъ и отчетливости въ пріемахъ и стройности въ изложеніи мыслей.

— Отъ 22 апрѣля (6 мая). — 0 книгъ г. Бѣлявскаго.

Св. Синодъ слушали предложеніе г. синодальнаго оберъ-прокурора съ журналомъ учебнаго комитета, коимъ составленная г. Бѣлявскимъ книга, подъ названіемъ: «Этимологія древняго церковно-славянскаго и русскаго языка, сближенная съ этимологіей языковъ греческаго и латинскаго» одобряется для употребленія въ духовныхъ училищахъ, въ качествѣ учебнаго пособія для преподавателей. Приказали: заключеніе учеб. комитета утвердить, сообщивъ о семъ правленіямъ духовныхъ училищъ установленнымъ порядкомъ чрезъ «Церковный Вѣстникъ», съ приложеніемъ копій съ журнала комитета.

Журналъ учебнаго комитета при Св. Синодѣ.

О составленной преподавателемъ 5-й московской гимназіи, Бѣлявскимъ, книгѣ подъ заглавіемъ: „Этимологія древняго церковно-славянскаго и русскаго языка, сближенная съ этимологіей языковъ греческаго и латинскаго“ (Москва, 1875 года).

Подлежащая рассмотрѣнію книга г. Бѣлявскаго состоитъ собственно изъ ученія объ этимологіи древняго церковно-славянскаго языка и нынѣшняго русскаго. Въ концѣ книги присоединены три приложенія. Въ первомъ помѣщенъ списокъ словъ, въ корнѣ которыхъ находится буква *ъ* (стр. 155—159). Во второмъ приложеніи, на двухъ страницахъ (160—161), указаны главнѣйшія особенности синтаксическаго употребленія частей рѣчи въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ. Въ третьемъ (стр. 162—170) «отрывки изъ Остромирова евангелія для грамматическаго разбора» сопоставлены съ греческимъ текстомъ по изданію Востокова. Еще двѣ статьи предпосланы ученію объ этимологіи. Въ первой, безъ заглавія (стр. III—VIII), заявляется, что славяно-русское склоненіе существительныхъ тождественно съ склоненіемъ существительныхъ въ греческомъ языкѣ и въ латинскомъ, равно дѣленіе глаголовъ на спряженія и основанія дѣленія въ славяно-русскомъ языкѣ одинаковы съ греческимъ языкомъ. Во второй статьѣ (стр. IX—XIV), названной Введеніемъ, объясняется выраженіе „славянскій языкъ“ въ двойномъ значеніи: въ общемъ имъ называются языки всѣхъ народовъ славянскаго племени, которые и поименованы на ряду съ языками всего индоевропейскаго семейства, въ частномъ языкѣ св. писанія и богослужебныхъ книгъ у православныхъ славянъ. Послѣдняя изъ означенныхъ статей къ грамматикѣ не относится, но прочія состоятъ съ нею въ болѣе или менѣе тѣсной связи, представляя или продолженіе этимологіи, или словарь для справки о правильномъ употребленіи буквы *ъ* въ корнѣ нѣкоторыхъ словъ, или текстъ для грамматическаго разбора и изученія сродства въ формахъ греческаго языка и древняго церковно-славянскаго.

На первыхъ 22 страницахъ собственно этимологіи разсматриваются звуки и буквы древняго церковно-славянскаго языка и русскаго, измѣненіе, выпаденіе, вставка и перестановка ихъ, звуковыя особенности въ началѣ и въ концѣ слова, переносъ словъ. Каждый изъ означенныхъ вопросовъ изложенъ авторомъ вполне толково и подтверждается приведенными примѣрами. Въ этомъ отдѣлѣ, въ § 17 (стр. 10), вполне вѣрно замѣчено, что въ господствующемъ произношеніи русскаго языка нѣкоторые гласные звуки явственны слышны только тогда, когда на нихъ падаетъ удареніе, но тамъ же прибавлено, что безъ ударенія буква «я и послѣ шипящихъ а слышатся какъ е: *тянуть, жалтъ* (слышатся — *тнутъ, желтъ*); е безъ ударенія слышится почти какъ и: *новенькій* слышится *новинькій*». Не отвергая возможности слышать въ произношеніи кого-либо измѣненіе означенныхъ звуковъ, указанное авторомъ, необходимо присовокупить, что тѣ же гласные звуки въ тѣхъ же словахъ произносятся нѣкоторыми иначе, на примѣръ *тннуть, жилтъ*. Изъ этого слѣдуетъ, какъ осторожно нужно говорить въ грамматикѣ о произношеніи, чтобы не впасть въ односторонность, отъ которой должно быть свободно грамматическое ученіе.

При разсмотрѣніи далѣе частей рѣчи, авторъ старался уяснить и общія грамматическія понятія, чтобы закрѣпить въ сознаніи учениковъ правильное отношеніе къ грамматическимъ терминамъ, которые употребляются ими большею частію безсознательно. Въ каждой части рѣчи онъ разсматриваетъ важнѣйшія принадлежности ея въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ и въ русскомъ нынѣшнемъ, указывая при этомъ на сходныя въ нихъ формы съ греческимъ языкомъ или латинскимъ, или съ тѣмъ и другимъ. Сопоставленіе соответственныхъ формъ разъясняетъ многое въ составѣ означенныхъ языковъ и содѣйствуетъ тѣмъ правильному пониманію разныхъ вопросовъ въ отечественномъ языкѣ въ историческомъ отношеніи и сравнительно.

Вѣрное пониманіе учебнаго матеріала въ разсматриваемой книгѣ очень рѣдко нарушается обмолвкой въ частномъ какомъ-либо случаѣ, на примѣръ на стр. 105 авторъ говоритъ, что «приставка *за* (прибавленная къ пер-

вообразнымъ глаголамъ) образуетъ видъ совершенный начинательный», слѣдующіе же первообразные глаголы: ѣсть, дѣть, пасть, дать, лечь, жать, бить, плыть и друг. чрезъ приставку *за* не дѣлаются начинательными.

Не смотря на неоконченное грамматическое ученіе въ разсматриваемой книгѣ г. Бѣлявскаго, ограниченное только этимологіей, и принимая во вниманіе, что учебный матеріалъ въ ней разобранъ правильно, указано также много сближеній соотвѣтственныхъ формъ въ древне-славянскомъ языкѣ и въ классическихъ, и чрезъ то яснѣе представляется сродство означенныхъ языковъ въ строе-ніи формъ, учеб. комитетъ полагалъ бы соѣдиненную г. Е. Бѣлявскимъ книгу, подъ названіемъ: «Этимологія древняго церковно-славянскаго и русскаго языка, сближенная съ этимологіей языковъ греческаго и латинскаго», допустить въ духовныя училища въ качествѣ учебнаго пособія для преподавателей.

Отъ 6 (26) мая.—О разрѣшеніи православному миссіонерскому обществу пріобрѣтать на свое имя недвижимую собственность.

Св. Синодъ слушали предложеніе г. синодальнаго оберъ-прокурора, отъ 27 апрѣля 1877 года, № 1620, о воспослѣдовавшемъ въ 20 день апрѣля сего года Высочайшемъ соизволеніи на утвержденіе опредѣленія Св. Синода, отъ 26 января текущаго года о дозволеніи православному миссіонерскому обществу пріобрѣтать на свое имя недвижимую собственность, и о дополненіи, сообразно съ симъ, § 11 Устава сего общества слѣдующими словами: «Для устройства новыхъ миссіонерскихъ учрежденій и съ цѣлю увеличенія средствъ для пособій миссіямъ, разрѣшается православному миссіонерскому обществу пріобрѣтать на свое имя недвижимую собственность, посредствомъ покупки, дара и духовнаго завѣщанія жертвователей, но съ тѣмъ, чтобы на пріобрѣтеніе таковой собственности общество испрашивало каждый разъ,

черезъ Св. Синодъ, Высочайшее соизволеніе». Приказали: Объ изъясненномъ Высочайшемъ соизволеніи сообщить редакціи «Церковнаго Вѣстника» по принятому порядку.

Отъ 1 (8) іюня.—Относительно правъ надзирателей духов. семинарій и училищъ по отбыванію воинской повинности.

Св. Синодъ слушали предложеніе г. синодальнаго оберъ-прокурора, отъ 26 минувшаго мая, слѣдующаго содержанія: преосвящ. митрополитъ московскій, имѣя въ виду, что въ законѣ нѣтъ никакихъ указаний относительно правъ надзирателей духовныхъ семинарій и училищъ по отбыванію воинской повинности, обратился съ ходатайствомъ объ испрошеніи разрѣшенія на присвоеніе симъ лицамъ льготъ по отбыванію означенной повинности на равнѣ съ воспитателями и ихъ помощниками въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Принимая въ соображеніе, что упомянутые надзиратели по образованію своему и по значенію возложенныхъ на нихъ педагогическихъ обязанностей стоятъ наравнѣ съ воспитателями свѣтскихъ учебныхъ заведеній, а съ другой стороны, что должности надзирателей въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ хотя и не положены по штату, тѣмъ не менѣе учреждены съ Высочайшаго соизволенія, г. оберъ-прокуроръ Св. Синода, по предварительномъ сношеніи съ гг. министрами военнымъ и внутреннихъ дѣлъ, входилъ въ государ. совѣтъ съ представленіемъ о присвоеніи надзирателямъ за воспитанниками какъ въ духовныхъ семинаріяхъ, такъ и въ училищахъ, тѣхъ же льготныхъ правъ по отбыванію воинской повинности, какими пользуются воспитатели и ихъ помощники въ другихъ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Нынѣ государственный секретарь препроводилъ къ г. оберъ-прокурору выписку изъ

журнала особаго присутствія о воинской повинности, отъ 11 апрѣля сего года, въ коей изложено, что 1) государ. совѣтъ, въ присутствіи семъ, разсмотрѣвъ вышеупомянутое представленіе и соглашаясь въ существѣ съ заключеніемъ оберъ-прокурора Св. Синода, мнѣніемъ положилъ: „разъяснить, что надзиратели при духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ, по отбыванію воинской повинности, пользуются правами, предоставленными штатнымъ воспитателямъ въ учебныхъ заведеніяхъ“ (Уст. о воин. повин. ст. 63, п. 3), 2) Его Императорское Величество означенное мнѣніе государ. совѣта въ 10 день минувшаго мая Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить. Приказали: Объ изложенномъ Высочайше утвержденномъ мнѣніи государ. совѣта, для напечатанія въ «Церковномъ Вѣстникѣ», сообщить редакціи онаго по принятому порядку.

Отъ 1 (15) іюня. — По вопросу о томъ, слѣдуетъ ли производить 2⁰/₀ вычетъ для обращенія въ пенсіонный капиталъ изъ жалованья учителей параллельныхъ отдѣленій въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ.

Св. Синодъ слушали предложеніе г. оберъ-прокурора, отъ 20 мая сего года, по возбужденному въ правленіи вологодскаго духов. училища вопросу о томъ, слѣдуетъ-ли производить 2⁰/₀ вычетъ, для обращенія въ пенсіонный капиталъ, изъ жалованья учителей параллельныхъ отдѣленій, получающихъ содержаніе изъ мѣстныхъ епархіальныхъ средствъ, и если слѣдуетъ, то съ какого именно времени начать производство сего вычета и какимъ порядкомъ. Приказали: Принимая во вниманіе, что Высочайше утвержденнымъ 24 октября 1876 г. положеніемъ предоставлено право на полученіе пенсій и единовременныхъ пособій за духовно-училищную службу учителямъ всѣхъ вообще параллельныхъ классовъ въ семинаріяхъ и духовныхъ училищахъ, слѣдователь-

но какъ получающимъ содержаніе изъ духовно-учебнаго капитала, такъ и изъ мѣстныхъ епархіальныхъ средствъ, и что пенсіи и единовременныя пособія симъ послѣднимъ учителямъ и семействамъ ихъ должны будутъ производиться изъ духовно-учебнаго капитала, а между тѣмъ вычесть 2⁰/₀ изъ содержанія означенныхъ лицъ не дѣлается, Св. Синодъ, согласно съ заключеніемъ хозяйств. управленія, опредѣляетъ въ возмѣщеніе расходовъ изъ духовно-учебнаго капитала на производство означенныхъ выдачъ, распространить установленный по Высочайшему повелѣнію 8 мая 1873 г. 2⁰/₀ вычесть на содержаніе учителей параллельныхъ классовъ въ семинаріяхъ и духовныхъ училищахъ, получающихъ таковое содержаніе изъ мѣстныхъ епархіальныхъ средствъ, а также и на пенсіи самихъ такихъ пенсионеровъ съ обращеніемъ сихъ вычетовъ въ духовно-учебный капиталъ, причемъ самое производство вычетовъ начать съ 24 октября 1876 г., т. е. со дня состоянія вышеозначеннаго Высочайшаго повелѣнія; самый же порядокъ этого вычета долженъ быть такой: вычтенныя за время съ 24 октября 1876 г. и за 1877 годъ деньги хранить въ кассѣ правленій духовно-учебныхъ заведеній, а затѣмъ показать оныя по вѣдомости объ остаткахъ за 1877 г. особою статьею; на будущее же время съ 1 января 1878 г. означенный вычесть вносить въ смѣты доходомъ по § 4 „случайныя поступленія“, также особою статьею и, независимо отъ сего, прилагать къ смѣтамъ особый списокъ всѣхъ должностей въ параллельныхъ классахъ съ обозначеніемъ полныхъ окладовъ содержанія сихъ должностей изъ мѣстныхъ епархіальныхъ средствъ. Объ изложенномъ, для руководства и исполненія по духовнымъ семинаріямъ и училищамъ, сообщить циркулярно епархіал. преосвященнымъ чрезъ «Церковный Вѣстникъ».

Отъ 25 мая (15 июня). — Объ исключеніи изъ запаса арміи учителя эмильчинскаго народнаго училища Меделовича и о руководствѣ этимъ примѣромъ на будущее время.

Св. Синодъ слушали предложеніе г. синодал. оберъ-прокурора, отъ 10 мая сего года, слѣдующаго содержанія: согласно опредѣленію Св. Синода, отъ 15 марта сего года, сдѣлано было сношеніе съ военнымъ министромъ по поводу возбужденнаго преосвященнымъ волынскимъ вопроса о возведеніи во священники учителя эмильчинскаго народнаго училища Ореста Меделовича, числящагося по 2 пункту 63 ст. устава о воинской повинности въ запасъ арміи, а равно и о томъ, не признано-ли будетъ возможнымъ освободить отъ зачисленія въ запасъ арміи тѣхъ учителей народныхъ училищъ изъ окончившихъ полный курсъ духовной семинаріи, вынужденныхъ жребіемъ на поступленіе ихъ въ постоянныя войска, которые, пробывъ на учительской должности не менѣе трехъ лѣтъ, пожелаютъ поступить въ духовное званіе по праву, предоставленному имъ на то Высочайше утвержденнымъ 16 апрѣля 1869 г. журналомъ присутствія по дѣламъ православнаго духовенства. Вслѣдствіе сего генераль-адъютантъ Милютинъ нынѣ сообщаетъ, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему его о семъ докладу, въ 5 день мая сего года, Высочайше повелѣтъ соизвоилъ: 1) занимающаго должность учителя въ эмильчинскомъ народномъ училищѣ, бывшаго студента волынской дух. семинаріи, Ореста Меделовича, какъ имѣющаго право на поступленіе въ духовное званіе, на основаніи означеннаго Высочайшаго повелѣнія 16 апрѣля 1869 г., исключить изъ запаса арміи, съ тѣмъ однакожь, если онъ будетъ рукоположенъ во священники; и 2) руководствоваться этимъ же примѣромъ въ подобныхъ случаяхъ на будущее время. Къ сему г. синодал. оберъ-прокуроръ присовокупилъ, что по увѣдомленію военнаго министра, объ изъ-

ложенномъ Высочайшемъ повелѣніи сообщено министру внутр. дѣлъ для надлежащаго распоряженія какъ относительно исключенія Меделовича изъ запаса арміи, по предварительному сношенію подлежащаго воинскаго присутствія съ волынскою дух. консисторіею такъ и для объявленія по министерству внутр. дѣлъ для руководства присутствіямъ по воин. повинности на будущее время. И, по справкѣ, приказали: объ изъясненномъ Высочайшемъ повелѣніи дать знать преосвященному волынскому указомъ, а для объявленія по духовному вѣдомству сообщить „Церков. Вѣстнику“ по принятому порядку, для припечатанія.

Отъ 8 (22) іюня.—Объ изъясненной Высочайшей благодарности Св. Синоду за пожертвованіе имъ на санитарныя нужды нашей дѣйствующей арміи 100,000 рублей изъ имѣющихся въ распоряженіи Св. Синода суммъ.

Св. Синодъ слушали предложеніе г. исправляющаго должность синодал. оберъ-прокурора, отъ 1-го сего іюня, слѣдующаго содержанія: г. оберъ-прокуроръ Св. Синода имѣлъ счастье довести до Высочайшаго свѣдѣнія Государя Императора о пожертвованіи Св. Синодомъ въ распоряженіе главнаго Общества краснаго креста, на санитарныя нужды дѣйствующей арміи, 100000 руб. государственными непрерывно-доходными 4-хъ процентными билетами, изъ имѣющихся въ распоряженіи Св. Синода суммъ, а также и о сдѣланномъ Синодомъ распоряженіи о приглашеніи къ пожертвованіямъ на тотъ же предметъ какъ церквей и приходскаго духовенства, такъ въ особенності ставропигіальныхъ и прочихъ монастырей. Его Императорскому Величеству на всеподданнѣйшемъ докладѣ о семъ, 14-го минувшаго мая, благоугодно было собственноручно написать: „Благодарю“. И, по справкѣ, приказали: Объ изъясненной Высочайшей благодарности объявить чрезъ «Церковный Вѣстникъ» по принятому порядку.

ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ ТУЛ. ЕПАРХ. ВѢДОМОСТЯМЪ.

15-го Іюля

№ 14.

1877 года.

СЕКТАТОРСКІЯ ДВИЖЕНІЯ ВЪ РОССИИ(*).

Кромѣ указанныхъ и подобныхъ имъ сектаторскихъ движеній, направленныхъ противъ церкви и существующаго государственнаго порядка, есть секты раскольническія, считаемыя менѣе вредными для церкви и государства. Объ нихъ больше всего пишутъ и говорятъ въ литературѣ. Въ пользу ихъ склоняются не одни писатели изъ старообрядчества, но и самыя власти государственныя.

Недавно, по свѣдѣніямъ „Новаго времени“, на разсмотрѣніе государственнаго совѣта представлено было мнѣніе о распространеніи льготъ по воинской повинности, сопряженныхъ съ образованіемъ, и на раскольниковъ, достигшихъ извѣстной степени образованія, не смотря на то, что они не обучались закону Божію православнаго исповѣданія. Особымъ присутствіемъ государственнаго совѣта по воинской повинности вопросъ этотъ разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, какъ о томъ извѣщено было и въ „Моск. Вѣдом.“ 1877 г. № 111, гдѣ сказано, что государственный совѣтъ, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о примѣненіи ст. 56 уст. о воинской повинности къ раскольникамъ и соглашаясь въ существѣ съ заключеніемъ министра народнаго просвѣщенія, мнѣніемъ положилъ: разъяснить, что раскольники, достигшіе указанныхъ въ ст. 56 уст. о воинской повинности степеней образованія получаютъ право на опредѣленные въ этой статьѣ льготы, не подвергаясь для сего испытанію изъ закона Божія. Государь Императоръ

такое мнѣніе Государственнаго совѣта 23 марта сего года Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Недавно тоже былъ случай, когда правительственное лицо собственною властію разрѣшило раскольникамъ открыто совершить богослуженіе по ихъ обряду. „Современныя Извѣстія“ (№ 127) сообщаютъ, что когда въ Динабургѣ было совершено православнымъ духовенствомъ торжественное молебствіе по обнародованіи Высочайшаго манифеста объ открытіи войны съ турками и когда даже евреи двинулись изъ синагоги и изъ своихъ жилищъ на площадь къ соборной православной церкви, смѣшиваясь съ толпою православныхъ христіанъ, въ то самое время въ числѣ молившихся на площади было много и динабургскихъ старообрядцевъ, которымъ хотѣлось независимо отъ всеобщей молитвы помолиться еще у себя по своимъ старымъ обычаямъ, по обрядамъ предковъ. Къ окончанію богослуженія въ соборной церкви получена была телеграмма отъ г. витебскаго губернатора, позволявшая старообрядцамъ служить молебенъ по ихъ обряду, что и было имъ объявлено тутъ же на площади. Съ быстротою молніи радостная вѣсть эта облетѣла кружевъ старообрядцевъ. Нужно было видѣть, пишетъ корреспондентъ, восторгъ, съ которымъ они передавали одинъ другому это радостное, хотя нѣсколько запоздавшее извѣстіе. Къ 5—6 часамъ вечера того же дня, на такъ называемомъ новомъ строеніи г. Динабурга, близъ желѣзной православной церкви, въ домѣ купца Григорья Васильева, избранномъ старообрядцами для торжественнаго богослуженія, собралось множество старообрядцевъ, такъ что домъ Васильева оказался тѣсень и большинство, не имѣвшее возможности помѣститься въ домѣ, стояло вокругъ него. Внутренность дома была переполнена молящимися. Богослуженіе совершалось ихъ духовникомъ, при соучастіи избранныхъ изъ ихъ же среды пѣвчихъ. По окончаніи молебна городской голова послалъ телеграмму витебскому губернатору отъ благодарныхъ старообрядцевъ.

Не заподозривая искренности чувствъ старообрядцевъ, нельзя не примѣтить однако, что надъ общими интересами Россіи, въ которыхъ они принимаютъ, повидимому, столь живое участіе, едвали не господствуютъ ихъ корпоратив-

ные интересы; обращая молитву въ предметъ манифестаціи, едва ли они не рассчитываютъ зато большихъ и большихъ льготъ отъ правительства: но они забываютъ, что правительство, давая имъ льготы, не обращаетъ вниманія на ихъ религіозную рознь, и смотритъ на нихъ какъ на сектантовъ менѣе вредныхъ, чѣмъ другіе сектанты; исключительность ихъ вызываетъ только мѣры снисхожденія къ нимъ, но не даетъ права заключать о совершенной безвредности ихъ; нельзя же считать безвредными фанатическихъ дѣйствій, совершенныхъ кѣмъ бы ни было, а такихъ фанатическихъ дѣйствій не мало именно въ современномъ старообрядчествѣ.

Изъ многихъ на то доказательствъ укажемъ на нѣкоторыя. Вотъ одинъ примѣръ. „Терскія вѣдомости“ сообщаютъ, что раскольники терской области отправили къ находящемуся въ недавнее время для собесѣдованія съ ними о. игумену московскаго никольскаго единовѣрческаго монастыря о. Павлу слѣдующее письмо: „послушай ты, Павелъ, посланникъ антихриста, губитель рода человеческого, змѣй тайный, враже Божій! Будетъ тебѣ у насъ жить, пора тебѣ отправляться, ибо ты тутъ никого не обманешь, тутъ дураковъ мало“. Запиской своей раскольники не убѣдили о. Павла прекратить бесѣды; послѣ этого онъ еще разъ высказалъ имъ слова истины и просилъ оставить заблужденія, за тѣмъ уѣхалъ не потому, конечно, что убоился ихъ возмутительной записки, но потому что у него время было рассчитано на тотъ день уѣхать. Но тѣмъ не менѣе послѣ его отъѣзда раздались восклицанія: „ага! однако онъ скоро улизнулъ, это чрезъ записку! Слава тебѣ, Господи, что уѣхалъ! Давно бы надо такъ сдѣлать, и мы были бы покойны“. Такія рѣчи, такія восклицанія не нуждаются въ комментаріяхъ. Фанатическое письмо, сообщенное изъ Моздока, не сопровождалось однако насиліемъ и преслѣдованіемъ православія. Но корреспонденція изъ Сычевки, напечатанная въ газетѣ „Нашъ вѣкъ“ доказываетъ, что раскольники подчасъ не останавливаются и предъ насиліемъ. Въ одинъ изъ послѣднихъ дней великаго поста въ селѣ Бахтѣевѣ загорѣлся домъ священника, находящійся около церкви; отъ него огонь чрезъ церковь перекинуло чрезъ домъ дьячка и еще

одинъ сосѣдній крестьянскій. Естественно опасались за цѣлость церкви и потому она была отворена для выноса оттуда церковныхъ вещей и вотъ въ это-то время ворвалась въ нее толпа раскольниковъ, покровительствуемая и подстрекаемая своимъ попомъ Іудою. Толпа разрушала и разбивала все, попадавшееся ей подъ руку: иконы, колодки и проч., добралась до алтаря и разломала даже царскія двери и самый престоль. „На дняхъ, заключалъ корреспондентъ, въ селѣ Бахтѣевѣ былъ судебный слѣдователь для разслѣдованія происшествія“. Здѣсь фактъ на лицо; мнимо гонимые являются дѣйствительными гонителями и такихъ людей, очевидно, нельзя назвать безвредными.

Приводя эти факты, мы не обобщаемъ ихъ; соглашаемся съ другими фактами, изъ которыхъ видимъ, что иные подобные имъ сектанты, менѣе фанатичны; въ доказательство сопоставимъ съ приведенными фактами другіе два имъ противорѣчущіе. Въ русскомъ инвалидѣ отъ 17 марта пишутъ: „ставропольскій архіепископъ Теофилактъ недавно посѣтилъ въ станицѣ кавказской (въ кубанской области) скитъ. Въ старообрядческую церковь собралось тогда народу до тысячи душъ обоюго пола. На правомъ клиросѣ стоялъ въ иноческой одеждѣ о. Іовъ, именующій себя епископомъ, и вѣсколько монашествующихъ, между которыми былъ одинъ еще молодой человекъ, какъ ученый представитель старообрядцевъ. Осмотрѣвъ ризницу и прочую церковную утварь, владыка остановился противъ царскихъ дверей, лицомъ къ собравшемуся обществу, и сказалъ: „привѣтствую васъ словомъ пастыря, которому, можетъ быть, впервые предстоитъ побесѣдовать съ вами о расколѣ въ нашей единой православной вѣрѣ. Прошу не стѣсняться въ бесѣдѣ со мною и высказывать всѣ тѣ догматическіе доводы, которыми руководились праотцы ваши при отчужденіи себя отъ нашей православной церкви. Кто изъ васъ поумнѣе и болѣе проникъ въ глубину раскола, говорите“. Тогда съ клироса повелъ рѣчь молодой монахъ, затѣмъ вошли въ пренія и другіе духовные ихъ просвѣтители. Но съ преосвященнымъ были принесены всѣ старообрядческія книги, а потому всѣ ихъ доводы и ссылки на тексты кормчей книги были немедлен-

но разъяснены самимъ владыкой. По отъѣздѣ преосвященнаго изъ станицы, старообрядцы говорили: „вотъ если мы почаще слышали такія бесѣды, то, вѣтъ сомнѣнія, что многіе присоединились бы къ православію“, они говорили какъ разъ противоположно тому, что писали въ своей запискѣ терскіе раскольники. Съ другой стороны разсказу изъ Сычевки можно противопоставить то, что говоритъ „авторъ путевыхъ очерковъ въ „Собесѣдникѣ“ о сектѣ русскихъ раскольникахъ, живущихъ теперь въ Австріи, липованахъ. Онъ посѣтилъ липованскій монастырь, настоятель котораго разсказалъ ему преданіе о томъ, какъ липоване переселились въ Австрію. Въ 1782 г. жили они еще въ крыму, колоніи, принадлежащей тогда туркамъ. Въ эту то колонію тогда пришелъ бѣглець, преслѣдуемый турками. Бѣглець не былъ ихъ вѣры, но былъ христіанинъ; когда гнались за нимъ магометане и преслѣдовали его до порога колонистовъ, послѣдніе скрыли его отъ гонителей. Оказалось, что онъ былъ человѣкъ именитый, принадлежалъ къ свитѣ вѣвскаго цезаря. За свое спасеніе онъ обѣщаль имъ замолвить слово императору Іосифу и спасти ихъ самихъ отъ ожидаемаго покоренія крыма Россією. Вернувшись домой, онъ сдержалъ свое слово. Призванные по письму его въ Вѣну, колонисты получили отъ императора льготную грамоту, обѣщавшую имъ полную свободу вѣроисповѣданія для нихъ, потомковъ ихъ и духовенства и свободу отъ воинской повинности. Колонисты переселились въ Австрію и размножились теперь до 5 тыс. человѣкъ. Австрія дѣйствительно дала имъ свободу вѣроисповѣданія, но въ 1868 г. и липоване стали подлежать воинской повинности и потому опять стали помышлять о возвращеніи на родину. Изъ этого разсказа видно, что, по крайней мѣрѣ, предки теперешнихъ липованъ не отличались фанатизмомъ и можетъ быть и настоящіе липоване таковы же.

Но примѣровъ фанатизма раскольниковъ на столько больше примѣровъ имъ противоположнымъ, на сколько правило общѣе исключенія. Отдѣлившіеся отъ церкви, разорвавшіе союзъ съ нею, они не навидятъ все церковное, желая поставить на мѣсто его свое старообрядческое и когда это имъ не удастся, борятся за свое существованіе

до фанатизма, не разбирающаго никакихъ средствъ къ самозащитѣ. Не удалась открытая пропаганда, не берутъ силой, не достигаютъ признанной самостоятельности, прибѣгаютъ къ подпольнымъ средствамъ, къ противозаконнымъ дѣйствіямъ. И вотъ кипитъ у нихъ эта неустанная подпольная работа, имѣющая цѣлю во чтобы то ни стало подкопать основанія церкви.

Возьмемъ во вниманіе хоть недавно закрытую тайную типографію раскольниковъ и мы увидимъ въ ней ту же затаенную цѣль, показывающую, что они не безвредные люди. Въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“ (№ 130) сообщаютъ, что въ 11 часу утра 11 мая на дворъ мѣщанина А. П. Овчинникова вошла полиція въ лицѣ мѣстнаго частнаго пристава Н. В. Дренакина, въ сопровожденіи его подчиненныхъ. Полицейскіе направились въ одинъ изъ двухъ-этажныхъ флигелей, въ которомъ находилась квартира хозяина дома. Въ ней они нашли одного наборщика и достаточное количество переплетенныхъ псалтырей и другихъ книгъ, которыми руководствуются при богослуженіи старообрядцы Ѳедосѣевского толка. Въ деревянной стѣнѣ они отыскали потайную лѣстницу, ведущую внизъ, въ пристроенный къ флигелю деревянный сарай. Войдя въ сарай, полъ котораго былъ деревянный, полицейскіе начали его бдительно разсматривать, какъ бы отыскивая чего то. Одинъ изъ полицейскихъ нагнулся, пожалъ объ полъ рукою и коснулся потайной пружины; тогда вдругъ отворился люкъ въ подземелье. Спустясь въ подземелье, полицейскіе нашли его пустымъ и въ немъ другой люкъ съ такою же пружиной, отъ котораго шла въ подземелье лѣсенка. Спустившись туда, они увидали очень ярко освѣщенную комнату, раздѣляющуюся на двѣ половины. Въ комнатахъ этихъ стояли четыре типографскихъ станка, за которыми работали 9 человекъ молодыхъ людей и при нихъ находился одинъ наборщикъ; все это были старообрядцы, паспорта которыхъ въ кварталѣ прописаны не были. Тутъ же были найдены развѣшенные для сушки отпечатанные листы бумаги для псалтырей и другихъ старообрядческихъ книгъ, шрифтъ и всѣ типографскія принадлежности, которыя на другой день, по составленіи описи судебнымъ слѣдователемъ при инспекторѣ типографіи, на

трехъ возахъ были отправлены въ Рогожскій частный домъ. Всѣ эти 10 человекъ, по ихъ показаніямъ, выпускались изъ подземелья одинъ разъ въ недѣлю на свѣтъ Божій, туда имъ подавалась и пища. Типографію эту давно уже разыскивали въ Москвѣ и вотъ она открыта благодаря бдительности полиціи. Подробности этого событія сообщены въ тѣхъ же „Современныхъ Извѣстіяхъ“ (№ 136) гдѣ говорится, что по описи судебного слѣдователя всѣхъ отпечатанныхъ листовъ было до 15 пудовъ и шрифта 22 пуда.

Закрывая тайную, недозволенную типографію, частный приставъ съ слѣдователемъ и инспекторомъ типографій дѣйствовалъ не по произволу, но во имя закона, еще не отмѣненнаго, который, безъ сомнѣнія, не забудетъ правительство, но до сихъ поръ не потерялъ своей силы въ виду противозаконной пропаганды раскола. Между тѣмъ въ томъ же № Современныхъ Извѣстій, гдѣ помѣщены подробности о закрытіи подпольной типографіи, напечатана статья, въ которой авторъ со всею энергіею возстаетъ не противъ нарушителей закона — раскольниковъ, а противъ защитниковъ закона. Онъ не находилъ словъ для обвиненія послѣднихъ и, задавшись мыслию видѣть въ нихъ гонителей ни въ чемъ неповинныхъ раскольниковъ, то блѣднѣетъ отъ гнѣва при недостаткѣ у насъ вѣротерпимости, то краснѣетъ отъ стыда предъ иностранцами за невѣжество Россіи, то силится указать высшему правительству анахроническій законъ. Статья эта такъ оригинальна, что мы представимъ изъ нея выдержки въ доказательство того, какъ авторъ ея глумится надъ закономъ отечества: „Частный приставъ, говоритъ онъ, сдѣлалъ свое дѣло, исполнилъ обязанность, возложенную на него закономъ. Но къ чему породить проступки? Для чего создавать преступленіе? Псалтирь, октоихъ, часословъ — книги не только не предосудительныя, но и полезныя: (Развѣ кто въ этомъ сомнѣвается?) Разнорѣчія стараго текста отъ употребляемаго нынѣ въ русской церкви (не у насъ де, а въ какой то чужой русской церкви) давно признаны и опытомъ и наукою и самою церковною іерархіею не только не вредными, но вовсе несущественными для православія и вѣры вообще... (Развѣ запрещеніе печатать ихъ

въ тайной типографіи говорить объ ихъ вредѣ, а не дѣлается съ другими цѣлями?) И тяжело становится на душѣ (душа у нашего автора очень чувствительная), когда подумаешь обо всемъ этомъ и затѣмъ представишь этихъ бѣдныхъ рабочихъ (какая жалость въ самомъ дѣлѣ), поиманныхъ на преступленіи (если они не преступны, зачѣмъ скрывались въ подвалѣ), поблѣднѣвшихъ бѣлѣ снѣга (блѣзна знакъ невинности; авторъ, видно, наблюдалъ ее, чтобы сравнить съ снѣгомъ), этого хозяина „преступной“ печати, теряющаго чувство при нагрянувшемъ на него обыскѣ (хоть кто потеряетъ чувство отъ такого грома!). И что за преступленіе печатать тѣже самыя молитвенныя и богослужебныя книги, по которымъ молится весь русскій народъ съ ничтожными разностями въ текстѣ перевода? (Но народъ русскій молится не по этимъ, а по исправленнымъ книгамъ и дѣло тутъ вовсе не въ разностяхъ текста, а въ цѣли печатанія безъ дозволенія правительства). Пусть настоящій случай, поучаетъ авторъ, напомнитъ высшему правительству (авторъ не смѣетъ напоминать ему, а заставляетъ напомнить случай) объ остающемся въ законахъ анахронизмѣ, въ силу котораго добрая(?) часть вѣрныхъ подданныхъ Русской имперіи, честныхъ (?) гражданъ, кость отъ костей нашихъ (ужъ авторъ не изъ раскольниковъ ли?), лишена способовъ законнымъ образомъ добывать себѣ молитвенныя книги (а единовѣрческія типографіи на что?) Основанія къ запрещенію печатать старообрядческія богослужебныя и молитвенныя книги (такого запрещенія не существуетъ въ единовѣрческой типографіи) давно миновали (развѣ пропаганда раскола уже больше нѣтъ), если когда либо, впрочемъ всегда только по недоразумѣнію(?) и существовали. Въ настоящее время это есть интересъ (думаете: для церкви? совсѣмъ нѣтъ) отчасти для торговцевъ старыми книгами, отчасти есть поощреніе къ упражненію въ церковно-славянской каллиграфіи, отчасти... Къ чему же это ведетъ? Не поощряются ли въ этомъ прямо къ заведенію тайныхъ типографій въ родѣ открытой (это въ родѣ слѣдующаго: запрещеніе частнымъ лицамъ чеканить монеты, дѣлать ассигнаціи не поощряетъ ли ихъ къ тому и другому?), къ основанію типографій заграничныхъ, въ родѣ

буковинскихъ (?), къ созданію преступленій изъ дѣянія естественнаго (т. е. печатанія книгъ въ запрещенной типографіи). Дозволеніе открыто печатать богослужебныя и молитвенныя книги для старообрядцевъ послужить ли средствомъ къ пропагандѣ? спрашиваетъ авторъ: къ какой? молиться Богу по книгамъ, въ сущности даже не запрещеннымъ, потому что они печатаются на законномъ основаніи въ единовѣрческой типографіи для единовѣрческихъ только церквей (?). (На самомъ же дѣлѣ здѣсь онѣ продаются не въ эти только церкви, а кому угодно). Можно ли въ наше время даже на минуту останавливаться предъ такими опасеніями, когда сдѣлалось для всякаго азбукою, что всякое запрещеніе только усиливаетъ пропаганду (это слишкомъ извѣстно, но не надо забывать и того, что старопечатныя книги обоюдо острое оружіе, которое въ рукахъ опытнаго и православнаго читателя поражаетъ заблужденія старообрядцевъ, а въ рукахъ невѣждъ поддерживаетъ ихъ заблужденія, что авторъ отрицаетъ говоря:) если и признать, что либо вредное, чего въ сущности нѣтъ въ распространеніи среди народа книгъ въ переводѣ 14 столѣтія (?). Но посмотримъ, говорить онъ, на другія послѣдствія. Тайная типографія является однимъ изъ результатовъ лишенія (?) Но развѣ воспитывать къ этому (?) полезно? Развѣ это безопасно свивать вѣнецъ гражданскаго мученичества изъ дѣла самаго естественнаго (?). Изъ опасенія вообще приучать старообрядцевъ къ дѣйствованію тайными способами авторъ совѣтуетъ, кому о томъ вѣдать нужно, дѣйствовать иначе. „Старообрядцы, говоритъ заслуживали бы быть поставленными и во всей своей письменности поды общее огражденіе законовъ. Двухсотлѣтняя исторія доказала (большая заслуга), что всѣ прещенія бесполезны и вели лишь къ противной цѣли. Но мы уже не идемъ такъ далеко (?). По крайней мѣрѣ, молитвенныя и богослужебныя книги можно бы дозволить имъ безпрепятственно (!) Стыдно даже доказывать это (краска стыда). Мы говоримъ „стыдно“, потому, что если недавно одинъ органъ англійской печати въ пріемахъ послѣдняго политическаго процесса усмотрѣлъ доказательство низкой степени, на какой стоитъ еще Россія по своей цивилизаціи (можно ли угодить всѣмъ?), что

скажетъ, вся Европа (заключеніе отъ частнаго къ общему), когда узнаетъ, что въ Россіи нельзя не подвергаясь серьезному преслѣдованію (и такъ запрещеніе печатать въ незаконной типографіи есть преслѣдованіе?) напечатать псалтыря, пусть и страдающаго погрѣшностію(?) въ переводѣ, чего даже относительно этой книги нельзя утверждать (видно авторъ самъ не сличалъ переводовъ псалтыря и говорить о томъ, чего не знаетъ). Въ какомъ контрастѣ стоитъ этотъ анахроническій законъ(?), остающійся въ силѣ, очевидно, только по забвенію о немъ, что онъ существуетъ(?) въ какомъ контрастѣ стоитъ онъ съ предстоящими шагами по сближенію нашему съ заграничными старообрядцами, у которыхъ въ Добруджѣ, именно у нихъ мы должны искать и ожидать дружескаго гостепрѣимства (неужели въ виду этого нужно заискривать у нихъ отмѣною закона, ненавистнаго автору?) И не сомнѣнно, мы найдемъ это гостепрѣимство у какихъ нибудь небрасовцевъ (а законъ то?), вообще у всѣхъ бѣжавшихъ старообрядцевъ (найти гостепрѣимство у бѣглецовъ-каково это покажется!) мы найдемъ сердце, не переставшее(?) горячо биться за родину (какую? не Турцію ли?), возсылающее мольбы по тѣмъ самымъ книгамъ, печатать и какимъ бы то ни было, распространять которыя считается здѣсь (т. е. въ Россіи, такъ за чѣмъ же и молиться за ниспосланіе побѣды русскому оружію?) на самой родинѣ, по анахроническому закону, еще преступнымъ, какъ бы вредоноснымъ и опаснымъ.(?)

Такимъ образомъ хотя авторъ и написалъ апологію въ пользу открытаго дозволенія старообрядцамъ печатать все, что имъ угодно и хотя настаивалъ, что они заслуживали быть поставленными во всей своей письменности подъ общее управленіе законовъ, но такъ какъ не доказалъ, что всѣ они способны пользоваться такою же свободою печати, какая возможна для всѣхъ гражданъ, при существованіи цензуры, то и законъ, еще не отмѣненный законовою властію, пока онъ существуетъ, долженъ быть не фиктивнымъ, а дѣйствительнымъ закономъ противъ злоупотребленія старообрядческою печатью. Странно по этому во имя цивилизаціи возставать противъ существующаго закона, не доказавши напередъ, что старообрядцы во всѣхъ

отношеніяхъ люди безвредные. Никто не станетъ отвергать, что они, какъ члены государства, могутъ быть подобно прочимъ гражданамъ, людьми добрыми, и благотворительными, не къ однимъ своимъ единовѣрцамъ, но и къ славянамъ балканскаго полуострова (Совр. Изв. № 58). Мало того въ гражданскомъ отношеніи сектанты могутъ быть не менѣе полезными гражданами, какъ и другіе, примѣромъ чего могутъ служить не только молokane, недавно подавшіе адресъ великому Князю намѣстнику кавказскому, прося у него разрѣшенія принять отъ нихъ для ухода за больными и ранеными, въ случаѣ войны, 12 братьевъ ихъ секты(*) (тамъ же № 154), но и скопцы, поселенные въ якутской области и отличающіеся трезвостію, трудолюбіемъ и предприимчивостію (тамъ же № 157). Не то въ жизни религіозной; здѣсь сектанты, даже менѣе вредные, не могутъ быть прямо полезными членами, не говоримъ церкви, которой они служатъ отрицаніемъ, даже и государству; ихъ религіозныя воззрѣнія не рѣдко отрицаютъ самое христіанство, вносятъ рознь и нестроеніе въ жизнь церкви, они живутъ между нами, ходятъ въ наши храмы, принимаютъ и наши таинства, а между тѣмъ исподтишка стараются отторгнуть отъ насъ членовъ церкви, поставить себя на наше мѣсто, дѣйствуютъ во имя православія, называя себя древле-православными и для достиженія своихъ цѣлей не гнушаются самыми подполь-

(*) Адресъ молokane принятъ намѣстникомъ кавказскимъ и опубликованъ въ слѣдующихъ словахъ: „Христось, Спаситель міра, заповѣдалъ намъ служить и повиноваться Царю, помазаннику Божію. Вѣрноподданническія чувства наши всегда были извѣстны Вашему Императорскому Высочеству, Августѣйшему правителю края, но мы пожелали теперь сослужить ту службу, на которую стремится все населеніе Россіи, безъ разбора племень и вѣрованій. Въ виду имѣющихъ послѣдовать военныхъ дѣйствій и глубоко сочувствую положенію больныхъ и раненыхъ воиновъ кавказской арміи, мы выбрали изъ селенія Михайловки 4-хъ братьевъ, изъ селенія Новоивановки 3-хъ и изъ селенія Новосарамовки 5-ть братьевъ, для ухода за ними безъ всякой платы со стороны казны за все время ихъ служенія. Этою лептою мы приносимъ благодареніе за постоянныя милости и попеченія о насъ и дѣтяхъ нашихъ и усердно молясь о здравіи Цари, Вашего Высочества и всего Царствующаго дома, всеподданнѣйше просимъ принять отъ насъ это явное, но согрѣтое сочувствіемъ къ святому дѣлу, приношеніе наше и будемъ ожидать повелѣнія Вашего объ отправкѣ ихъ куда будетъ намъ указано“.

ными средствами. Если сравнить сектантовъ, домашнихъ нашихъ враговъ, съ враждебными для насъ инновѣрцами, то первые окажутся опаснѣе послѣднихъ; первые живутъ одною съ нами жизнію, притворяются нашими друзьями, тогда какъ сердца ихъ враждебны къ намъ; послѣдніе напротивъ живутъ особю отъ насъ жизнію, не имѣютъ съ нами ничего общаго, кромѣ общихъ законовъ, и прямо заявляютъ, что они не нашего стада овцы. Обратимся ли къ общественной жизни сектантовъ и здѣсь увидимъ въ нихъ одну скрытность, подозрительность, необщительность въ отношеніи къ православнымъ. Отчужденность отъ жизни нашего общества, самозамкнутость-никого не располагаютъ въ свою пользу, а такія именно качества замѣчаются и въ менѣ вредныхъ сектантахъ. Наконецъ, стремясь къ самостоятельности по своимъ корпоративнымъ видамъ, дѣйствуя по идеи децентрализаціи, дробясь и мельчая по своему внутреннему содержанію, сектанты не въ состояніи возвыситься до общихъ государственныхъ интересовъ, чтобы жертвовать своими личными, эгоистическими цѣлями. Если сектанты оставляютъ отечество, при наступленіи какихъ либо невгодъ жизни, дѣлаются эмигрантами, то сердце ихъ уже перестаетъ биться при мысли о родинѣ; для нихъ, какъ космополитовъ, родина тамъ, гдѣ хорошо. Отъ того сектанты не могутъ быть ни вполне полезными гражданами, ни искренними патриотами.

Прот. Г. Пановъ.

ВЪ ВАГОНЪ ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГИ.

(Разсказъ).

Въ іюнь 10-го числа, часу въ шестомъ вечера, во Мценскѣ я сѣлъ въ вагонъ на пассажирскомъ поѣздѣ, отправившемся въ Тулу. Въ томъ отдѣленіи вагона II класса, въ которое я вошелъ, было только два пассажира: студентъ орловской духовной семинаріи П. и его сестра, дѣвушка лѣтъ 16. Молодые люди съ почтительною вѣжливостью встрѣтили меня, и между нами вскорѣ завязался

разговоръ о современномъ положеніи дѣтей духовенства. Разговоръ этотъ обѣщаль быть интереснымъ, потому что молодые люди относились къ нему очень серьезно; но ему суждено было прерваться почти въ самомъ же началѣ. Изъ сосѣдняго отдѣленія вагона къ намъ вдругъ вбѣжалъ довольно безобразный молодой человѣкъ съ длинными растрепанными волосами, въ синихъ очкахъ, очень небрежномъ костюмѣ и съ книгою подъ мышкой.

— Здѣсь, кажется, есть свободное мѣсто, сказалъ онъ, вбѣгая въ наше отдѣленіе вагона, и сейчасъ же небрежно растянулся на длинномъ диванѣ у самой двери.

Мы всѣ трое взглянули на своего новаго сосѣда и невольно улыбнулись при видѣ той его небрежности, въ костюмѣ и лежаньѣ на диванѣ, какими онъ видимо хотѣлъ показать, что онъ на всѣхъ и на все смотритъ свысока.

— А, какая гадость! вдругъ вскричалъ онъ, вскакивая съ своего дивана и бросая на меня какой-то яростный, презрительный взглядъ... И здѣсь наткнулся на попа... Терпѣть я не могу этихъ жрецовъ суевѣрія и всякихъ предрасудковъ, и вдругъ изволь съ ними сидѣть въ одномъ вагонѣ...

— Молодому человѣку всегда и вездѣ слѣдуетъ быть вѣжливымъ, замѣтила дѣвушка какъ бы про-себя: невѣжливость есть признакъ глупости и невѣжества... Если кому не нравится сидѣть въ одномъ вагонѣ съ священникомъ, можетъ найти себѣ мѣсто въ другомъ вагонѣ, никого не оскорбляя своими выходками и никому не досаждая...

— Ахъ, сударыня, pardon!... Я, кажется, вамъ доставилъ неприятность... честь имѣю кланяться... студентъ университета Николай Ивановичъ Дубининъ...

Очень пріятно слышать, что вы студентъ университета, но отъ этого тѣмъ становится прискорбнѣе видѣть въ васъ неблаговоспитаннаго молодаго человѣка, сказала дѣвушка довольно смѣло и, отвернувшись отъ Дубинина, стала смотрѣть въ окно...

— Вотъ тебѣ и разъ! сказалъ Дубининъ: за попа да крылья мнѣ оципали... И все это отъ того, что эти дѣти природы не вкусили отъ плода истинной науки и въ по-пахъ видятъ какихъ-то посредниковъ между землею и небомъ...

— А развѣ истинная наука ведетъ къ противоположному? возразилъ студентъ П...

— Еще бы!.. Но вы тоже, какъ я вижу, дитя природы!.. Гдѣ вы воспитывались?..

— Въ орловской духовной семинаріи въ прошломъ году окончилъ курсъ, а теперь хочу попробовать счастья поступить въ духовную академію!..

— Фи!.. Одно другаго хуже, одно другаго гаже!.. И что вамъ за охота обречь себя на всегдашнее невѣжество и поклоненіе стариннымъ предрассудкамъ, браться съ попами и монахами и губить себя?.. Идите въ университетъ!..

— А развѣ университетъ лучше академіи?..

— Еще бы!.. Все равно, что небо отъ земли, то и университетъ отъ загнившей академіи и тѣмъ болѣе отъ вашей тухлой семинаріи!.. Ну, посудите сами, чему васъ учили въ семинаріи, и чему будутъ учить въ академіи?.. Вѣдь пора бы вамъ, господа семинаристы, понять, что васъ въ семинаріяхъ и академіяхъ не учатъ, а развращаютъ, не просвѣщаютъ, а намѣренно держатъ въ положительномъ невѣжествѣ. Семинарія ваша есть школа классическаго невѣжества, академія тоже!..

— Неправда!.. Вы вѣрно не знакомы съ этими заведеніями!..

— Нѣтъ, я правъ!.. Я это сейчасъ вамъ докажу!.. Чему васъ здѣсь учатъ? Здѣсь забиваютъ ваши головы всякою чушью, проповѣдуютъ вамъ какое-то небо, когда земля наша и безъ того въ небѣ, толкуютъ о безсмертіи, когда каждый издохнетъ, какъ пѣсь, и тѣмъ все кончается, учатъ вѣрить въ какое-то божество, когда божество это есть по Фейербаху ни болѣе, ни менѣе, какъ олицетворенная сущность самого же человѣка, вбиваютъ вамъ въ голову ученіе о какой-то душѣ, которой никогда не бывало!.. Вы всему этому вѣрите и не думаете о томъ, что все это ни болѣе, ни менѣе, какъ старинныя бабьи бредни!.. Все это—иезуитская штука, чистѣйшій русскій кутеизмъ: наука все это давнымъ давно уже отвергла и надо всѣмъ этимъ смѣется, какъ надъ классическимъ невѣжествомъ!.. Вѣдь вы потому только и вѣрите во все эти бредни кутеизма, что вамъ съ малолѣтства бабушки

и тетушки на печи дома надули въ уши весь этотъ вздоръ, а въ семинаріи попы и монахи стояли надъ вами съ палками въ рукахъ и заставляли васъ вѣрить въ эти бредни, какъ въ какіе-то догматы... Но познакомьтесь вы съ успѣхами науки, почитайте Фейербаха, Бюхнера, Молешотта, Фохта, Дарвина, Каспари, Тэйлора и многихъ другихъ свѣтилъ науки, тогда въ вашей головѣ все перевернется вверхъ дномъ... Это истинно такъ!.. До поступленія своего въ университетъ я самъ былъ такой же невѣжда въ наукѣ, какъ и вы; а теперь прокливаю всѣхъ этихъ іезуитовъ—поповъ и законоучителей, вбивавшихъ мнѣ въ голову всѣ старинные предразсудки и бредни своего кутеизма...

— А что это значить кутеизмъ? спросила дѣвушка.

— Ахъ, сударыня, до чего вы наивны! вскричалъ Дубининъ. Я не думалъ, чтобы вы даже этого не понимали... Кутеизмъ происходитъ отъ слова кутья, а вамъ, я полагаю, извѣстно, что кутьею прокислю дразнятъ поповъ, семинаристовъ и всѣхъ вообще духовныхъ. Отсюда кутеизмъ все то, чему учатъ попы...

— Не далеко же вы ушли съ своею наукою, если вы все то, чему чрезъ священниковъ учить насъ богооткровенная религія, называете бреднями измышленнаго вами кутеизма... Послѣ этого остается только пожалѣть не только о васъ съ вашею наукою, но и о многихъ вашихъ товарищахъ, а всего болѣе о томъ обществѣ, въ средѣ котораго вы впослѣдствіи будете дѣйствовать, какъ чловѣкъ, получившій университетское образованіе и претендующій на званіе ученаго...

— Сударыня! вы положительно меня удивляете!.. Я вижу, что вы довольно не глупы... Неужели вы не можете понять того, что наука непогрѣшима...

— Вѣроятно такъ же непогрѣшима, какъ нынѣшній папа, дошедшій до такого безумія, чтобы благословлять турецкихъ софть на избіеніе христіанъ?..

— Папы вашего я знать не хочу, потому что онъ тотъ же служитель кутеизма, какъ и наши попы... А науку я знаю... Она, напримѣръ, говоритъ, что никакой души у чловѣка нѣтъ, и это вѣрно, какъ дважды два четыре.

— Вотъ какъ?!... У человѣка нѣтъ души?.. Въ шумѣ ли вы съ своею наукою?... Человѣкъ тѣмъ и отличается отъ животныхъ, что у него есть душа.

— Ни ни! Это только ханжи, попы, іезуиты придумали душу. Но эти люди чистѣйшіе невѣжды: они не умѣютъ отличить ноги отъ руки, мозга отъ крови!.. Воображая, мая ими душа есть ни болѣе, ни менѣе, какъ *функция* головного мозга: физиологія это давно уже доказала такъ же несомнѣнно, какъ $2 \times 2 = 4$.

— Однако же, возразилъ П., понятіе о душѣ существовало еще прежде, чѣмъ появились на свѣтъ ваши іезуиты и кутейзмъ: еще Моисей писалъ о душѣ!..

— Да! Но іезуиты заимствовали свои сказки у древнихъ египетскихъ жрецовъ, и даже самъ Моисей всѣ свои басни заимствовалъ у жрецовъ, у которыхъ онъ учился египетской магіи. А жрецамъ непрѣменно нужно было придумать ученіе о душѣ для того, чтобы устрашать всѣхъ ужасами ада, держать въ повиновеніи себѣ и жить на счетъ невѣжественнаго народа!.. Имъ нужно было чѣмъ нибудь застрашать народъ, ну, и придумали навязать человѣку какую то душу невещественную и будто бы безсмертную!..

— Странно!... Какъ же бы можно было навязать ее, если бы люди не были отъ начала міра увѣрены въ бытіи у нихъ души?..

— А это случилось очень просто... Да неужели вы не читали „Первобытной культуры“ Гэйлора, гдѣ этотъ вопросъ рѣшенъ самымъ положительнымъ образомъ?... О, несчастные кутейники!.. Какъ васъ попы и монахи уродуютъ?... Вы даже и этой теоріи не знаете?... А Дарвина, а Каспари вы читали и хорошо усвоили?..

— Нѣтъ, а ихъ не читалъ!..

— Вотъ отъ этого то вы и выходите такими фанатиками, какъ и всѣ попы и іезуиты!.. Когда не читали Гэйлора, такъ слушайте же, я вамъ расскажу, какъ онъ объясняетъ происхожденіе ученія о душѣ!..

— Слушаю и, если сочту нужнымъ, буду отвѣчать!..

— Страшась своихъ предводителей и учителей Гэйлоръ, и при томъ предводителей не простыхъ, а иногда слишкомъ деспотичныхъ, иногда же очень благотворно управлявшихъ ими и любя своихъ родичей, люди мало-по-малу научи-

лись почитать и даже боготворить ихъ при жизни. Когда же эти предводители или родичи умирали, люди жалѣли о потерѣ ихъ, думали о нихъ и чтли ихъ память. Постоянно думая о нихъ, люди естественно видали ихъ во снѣ и на яву въ галлюцинаціяхъ. Такъ какъ тѣла этихъ умершихъ не могли имъ являться ни во снѣ, ни на яву въ галлюцинаціяхъ, то люди начали думать, что они видятъ *тѣни* своихъ умершихъ предводителей или родичей, а какъ тѣни можно видѣть только отъ действительныхъ предметовъ при свѣтѣ солнца или огня, а тѣла умершихъ лежали въ землѣ или на деревьяхъ или же были сожжены и не могли давать такой тѣни, то люди и стали думать, что у нихъ въ естествѣ есть что то противоположное мертвому тѣлу, и назвали эти являющіяся имъ тѣни *душаю*... Вотъ какъ появилось понятіе о душѣ... Жрецы этимъ то и воспользовались для своихъ цѣлей и навязали всѣмъ людямъ понятіе о душѣ, какъ необходимой части ихъ существа... И видите, какъ все это просто объяснено у Тейлора?... Это не то, что бредни вашего кутеизма... А вы даже и этого не знаете?... Какъ вы жалки!.

— Прекрасно, прервалъ Дубинина П. Вы хотите мнѣ доказать, что люди пришли къ понятію о душѣ чрезъ противоположеніе ея тѣлу? Но я полагаю, что къ этому могло привести людей не появленіе какихъ то *тѣней*, а наблюденіе надъ явленіями духовной жизни, проявленіе въ человѣкѣ такихъ стремленій, которыхъ нельзя объяснить дѣйствіями тѣла, какъ матеріи, если мы даже допустимъ, что человеку Самимъ же Творцемъ его не было сообщено понятіе о душѣ, какъ о главной составной части его человѣческаго естества, т. е. если мы допустимъ, что люди первоначально были лишь стадомъ дикихъ звѣрей, которые потомъ стали постепенно развиваться... Но мы знаемъ, что человѣкъ былъ созданъ совершеннѣйшимъ, какъ вѣнецъ всѣхъ твореній...

— Ха, ха, ха! разразился Дубининъ самымъ неистовымъ смѣхомъ. Какое же вы дитя природы! Вы даже самыхъ простыхъ истинъ науки не знаете... Вѣдь оно такъ и было, что люди первоначально были стадомъ дикихъ звѣрей. Наспари въ своей теоріи происхожденія первобытной религии доказалъ это самымъ положительнымъ образомъ,

такъ что теорія Дарвина(*) о происхожденіи человѣка отъ обезьяны теперь есть уже несомнѣнная истина...

— Не вамъ смѣяться нужно надъ нами, какъ надъ мнимыми невѣждами, а намъ надъ вами и вашими Дарвинами и Каспари, какъ надъ самыми несчастными людьми, нужно плакать, сказала дѣвушка. Вы отвергаете присутствіе въ себѣ образа Божія и считаете себя потомкомъ обезьяны...

— Да это, сударыня, такъ и есть. Наука самымъ положительнымъ образомъ дознала и доказала, что человѣкъ не сотворенъ, какъ утверждаютъ ваши попы, а произошелъ отъ обезьяны... А вы ничего этого не знаете?.. Вы ничего не читаете, вы только слушаете своихъ поповъ, которые городятъ вамъ всякій вздоръ ради своихъ корыстныхъ цѣлей?.. Но они сушіе невѣжды...

Дубининъ при этомъ взглянулъ на меня такъ злобно, что казалось, будто онъ хотѣлъ на меня броситься, чтобы растерзать меня.

— Вѣдь вонъ, сударыня, сидитъ здѣсь поць, сказалъ Дубининъ дѣвущкѣ: развѣ онъ больше вашего смыслить?.. Даю вамъ свою голову на отсѣченіе сейчасъ же въ томъ, что онъ не только не читалъ Тэйлора и Каспари, Дарвина, Фейербаха и другихъ свѣтилъ науки, но даже и о томъ не слыхивалъ, что человѣкъ не сотворенъ, а произошелъ отъ обезьяны...

— Вызовъ былъ сдѣланъ такъ дерзко, самоувѣренно и прямо, что, при всемъ моемъ желаніи не вступать въ споръ съ людьми, подобными Дубинину, въ такомъ мѣстѣ, какъ вагонъ желѣзной дороги, я не могъ долѣе молчать и рѣшился вступить не за свою только честь, но за честь всѣхъ своихъ собратій, которыхъ очень часто г.г. Дубинины клеймятъ титлами дураковъ и невѣждъ.

(*) Не одинъ Дарвинъ, но и другіе составляли подобныя теоріи. Бюхнеръ, напр. говоритъ: „Изъ первобытной тины вѣчныхъ атомовъ матеріи, частью случайно, частью по необходимости, чрезъ скучиваніе матеріи, развилась первая органическая ячейка; изъ нея возникли сперва растительныя, а потомъ животныя формы, которыя посредствомъ безконечныхъ метаморфозъ, развились наконецъ въ обезьянъ; а отъ нихъ произошелъ человѣкъ“. (См. вып. изъ Бюхнера въ III отд. прост. рѣч. о мудр. вѣщ. По година стр. 178—179 по изд. 1875 г.). Болѣе же извѣстна теорія Дарвина, который однако самъ отъ нея отступился.

—Г. Дубининъ! сказалъ я: напрасно вы такъ дерзко и самоувѣренно отдаете свою голову на отсѣченіе... Я, можетъ быть, по больше вашего читать...

—Ты? вскричалъ Дубининъ. Да ты, навѣрное, и азбуки-то научной не знаешь..

—Посмотримъ, кто больше знаетъ. Вы говорите, что человѣкъ произошелъ отъ обезьяны, и это есть послѣднее слово науки, а оказывается, что вы не знаете того, до чего дошла теперь ваша наука въ своихъ выводахъ...

—До чего же она дошла?.. Человѣкъ произошелъ отъ обезьяны — это послѣдній выводъ Дарвина въ его теоріи происхожденія видовъ, это послѣднее слово науки..

—Неправда. У Дарвина есть еще другая книга о „происхожденіи человѣка“, и послѣдній выводъ его изслѣдованій тотъ, что „человѣкъ произошелъ отъ четвероногого, покрытаго волосами, снабженнаго хвостомъ и острокопечными ушами, который (звѣрь), по всѣмъ вѣроятностямъ жилъ на деревьяхъ и былъ обитателемъ стараго свѣта“(*). Эту книгу перевелъ на русскій языкъ вашъ же идолъ науки, профессоръ Сѣменовъ, который вмѣстѣ съ другими выдумалъ *рефлексы* и вашу *функцию* головного мозга. И я спрошу васъ въ свою очередь: неужели вы, жрецъ вашей науки, не читали этой книги Дарвина и не знаете послѣдняго слова вашей науки...

—Да когда же эта книга вышла въ свѣтъ?... Развѣ только на этихъ дняхъ?..

—Вотъ видите, какъ вы попали въ просакъ. Я — то читалъ и вашихъ Фейербаха, Дарвина, Каспари и Тэйлора, и свое христіанское ученіе знаю, а вы и своего-то не знаете, а о христіанскомъ ученіи только должно быть слышали...

—Быть не можетъ этого!... Ну, гдѣ ты могъ читать теоріи Тэйлора и Каспари?

(* См. Пр. р. о муир. в. III отд. с. 40 и Происх. чел. Дарвина т. II с. 434. Прежде Дарвинъ утверждалъ, что человѣкъ произошелъ отъ обезьяны и обезьяна есть его прародитель, а потомъ пришелъ къ тому заключенію, что обезьяна есть только сородичъ человѣка, потому что человѣкъ будто бы произошелъ отъ четвероногого звѣря, который, по его словамъ, породилъ двоини: человѣка и обезьяну, и самъ исчезъ съ лица земли, такъ что и представителя его прежняго рода не осталось между животными.

— Онъ были изложены въ „Русскомъ Вѣстникѣ“... А вы этого и не знаете и воображаете, что только вы одна знаете свои ученые бредни?... Нѣтъ, нынѣ такое время, когда намъ именно нужно читать теоріи вашихъ ученыхъ, у которыхъ, какъ говорится, зашелъ умъ за разумъ... читать для того, чтобы при случаѣ васъ же и вамъ подобныхъ обуздывать...

— Такъ человекъ произошелъ отъ четвероногаго звѣря? сказалъ Дубинъ задумчиво и значительно сбавивши спесъ. И это послѣднее слово науки?..

— Да. А вы этого и не знали?

— Нѣтъ, pardon! Я это слышалъ, но теорія эта еще не всѣми принята. Тутъ именно становишься въ тупикъ, чьимъ потомкомъ себя считать? потомкомъ обезьяны? это почетнѣе, но за то это ученіе старо, это не послѣднее слово науки... Потомкомъ четвероногаго? это довольно унижительно, за то это послѣднее слово науки... Поэтому между послѣдователями Дарвина необходимо должно произойти временное раздѣленіе: одни будутъ стоять за происхожденіе отъ звѣря, а другіе за происхожденіе отъ обезьяны...

— И между тѣми и другими вѣроятно произойдетъ борьба за существованіе? сказалъ я нарочно, видя, какъ Дубинъ серьезно задумался...

— Непремѣнно. Это общій законъ развитія; но прежде всего нужно самой новой теоріи получить право научной истинны...

— И эта борьба конечно должна будетъ повести къ тому, что сторонники одной теоріи истребятъ сторонниковъ другой?...

— Непремѣнно. Это общій законъ; но прежде всего мы всѣ соединимся во едино для того, чтобы съ вами жрецами всякой старинной лжи и заблужденій, вступить въ борьбу за существованіе, и истребимъ васъ...

— Хорошо. А потомъ вѣроятно вы произведете какой нибудь новый родъ существъ вышшихъ, съ крыльями и плавниками, чтобы они были обладателями не земли только, но и воздуха и воды?

— Непремѣнно. Таковъ законъ развитія. Теперь уже стали дѣлать воздухо-плавательныя машины; скоро на-

чнуть дѣлать снаряды для летанія по воздуху... Когда человекъ привыкнетъ къ жизни въ верхнихъ слояхъ воздуха, тогда непременно явится новый родъ людей, которые будутъ имѣть способность летать по воздуху... Таковъ общій законъ. Все въ развитіи человекѣ шло порядкомъ постепенности, все такъ и поидеть... Человекъ совершеннымъ никогда не былъ... Совершенство это есть выдумка жрецовъ и іезуитовъ, бредни вашего кутеизма... Наукою дознано положительно, ею доказано несомнѣнно, что человекъ первоначально былъ въ дикомъ состояніи и не имѣлъ понятія ни о Богѣ, ни о своей душѣ. Ибо и лучше сказать, что въ некоторая часть человечества пришла въ дикое состояніе, долго находилось въ такомъ состояніи и доселѣ не вся еще вышла изъ него. Это вѣрно. Это такъ и быть должно... Человекъ былъ созданъ совершеннымъ, но вскорѣ палъ и утратилъ совершенство своей нравственно-разумной природы, однако же не настолько, чтобы о немъ можно было сказать, что онъ одичалъ. Впослѣдствіи же, когда некоторая часть человечества совершенно удалась отъ Бога, впамятъ въ нечестіе и стала жить только для удовлетворенія своимъ чувственнымъ страстямъ, естественно должны были появиться такія племена, которыя утратили понятіе и о самой своей душѣ и ея безсмертіи, погрузились во мракъ невѣжества и съ каждымъ новымъ поколѣніемъ все болѣе и болѣе стали уподобляться скотамъ безсмысленнымъ: они постепенно отъ состоянія совершенства умственного и нравственного переходили къ состоянію дикости. Но и о нихъ нельзя сказать, чтобы они были стадомъ звѣрей, а тѣмъ болѣе нельзя сказать того, чтобы они, начавши отличать себя отъ стада дѣйствительныхъ звѣрей, стали мало по малу додумываться до понятій о Богѣ, человекѣ и своей душѣ и до взаимныхъ отношеній между Богомъ и человекомъ, какъ думаетъ вашъ Каспарі. Они не додумывались до этихъ понятій сами собою, а напротивъ утрачивали эти понятія и извращали ихъ; они не доходили до понятія о душѣ посредствомъ *тѣней* умершихъ, какъ учатъ вашъ Тейлоръ, а напротивъ постепенно затемняли, извращали и утрачивали истинное понятіе о своей душѣ: самыя древнѣйшія законодательства нѣкоторыхъ народовъ,

напр! китайцевъ, весьма ясно подтверждають эту мысль, что первоначально эти народы болѣе правильное имѣли понятіе о Богѣ, человекѣ и природѣ, а послѣдовательно и о своей душѣ, чѣмъ въ послѣдствіи; стало быть, они шли въ своей исторической жизни не отъ состоянія звѣриной дикости къ совершенству, а напротивъ: отъ состоянія совершенства къ состоянію дикости. Это и естественно. Примеры такого одичанія мы видимъ и теперь: всѣ люди безнравственные съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе падаютъ, рутятся, пошлѣютъ, теряютъ понятія о Богѣ и своей душѣ и наконецъ доходятъ до состоянія скотоподобія, по своей жизни уподобляются неразумнымъ животнымъ. Вотъ для этихъ-то людей оскотинившихся, сдѣлавшихся звѣроподобными и утратившихъ понятіе о Богѣ и своей душѣ, возможенъ, при какихъ нибудь чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, поворотъ къ постепенному усовершенствованію и переходу изъ состоянія одичалости въ состояніе возможнаго для нихъ совершенства, даже путемъ естественнымъ чрезъ размышленіе, сравненіе себя съ другими существами и разсматриваніе видимой природы. Вотъ они-то и не могутъ не прійти къ тому заключенію, что въ естествѣ человѣческомъ есть кромѣ тѣла другая составная часть — душа; тому же, кто до такого состоянія дикости вовсе и не доходилъ, нѣтъ ни нужды постепенно додумываться до понятія о своей душѣ: понятіе о ней ему всегда присуще и безъ того. Онъ знаетъ, что у него въ естествѣ кромѣ тѣла есть еще *душа*, не воображаемая имъ, а дѣйствительная часть его существа, духъ разумно-нравственный и свободный.

— Въ томъ-то и штука вся, что этой воображаемой канжамы, составной части нашего существа на самомъ дѣлѣ вовсе нѣтъ. То, что вы называете *душею* есть только *функция* головного мозга. Наука это дознала и доказала: это ея послѣднее слово.

— А что такое *функция* головного мозга? спросила дѣвушка.

— Функция? сказалъ Дубининъ нерѣшительно. Функция... функция... ну, такъ бы это вамъ сказать? — функция есть функция. Это и такъ понятно.

— Прекрасно! сказалъ я. Функция есть функция, человекъ есть человекъ, собака есть собака, Дубининъ есть

Дубининъ: вотъ такъ хорошо!.. Вы не умѣете составить опредѣленія своей функціи, а еще суетесь учить другихъ и клеймите другихъ невѣждами, не умѣющими отличить руки отъ ноги, мозга отъ крови... Да учили ли вы логику?.. Знакомы ли вы съ психологіей для того, чтобы вамъ говорить о душѣ, какъ предметѣ научныхъ изслѣдованій?..

— Гмъ! сказалъ Дубининъ, растерявшись и пожимая плечами. Функція... Что такое функція? — вотъ задача-то!.. Дубининъ на минуту задумался, видимо стараясь припомнить, что такое функція головного мозга. И нужно было видѣть, какъ онъ неистово потиралъ свой лобъ, кусалъ свои губы и краснѣлъ отъ стыда за свое незнаніе, чтобы понять, какъ ему трудно было припомнить объясненіе слова функція.

— Такъ! вскричалъ онъ наконецъ: я забылъ, а ларчикъ то просто открывается. Функція есть отправленіе головного мозга. Это такъ, это вѣрно; это дознано опытами физиологіи; это доказано наукою.

— Прекрасно! сказалъ онъ. Стало бытъ, все высшія стремленія человѣческаго духа, по вашему, исцутья отъ отправленія или дѣйствія головного мозга?..

— Да. Это доказано; это наукою дознано. Все основано на научныхъ опытахъ...

— А знаетъ ли ваша наука, изъ какихъ составныхъ частей состоитъ мозгъ самаго развитаго человѣка, самаго даровитаго, самаго нравственнаго, и мозгъ человѣка полудикаго? Знаетъ ли, она какихъ частей недостаетъ въ мозгу дикаря для того, чтобы отправленія его головного мозга были таковы же, какъ и у человѣка самаго развитаго?..

— Еще бы нѣтъ! Она это дознала самымъ положительнымъ образомъ...

— Въ такомъ случаѣ отъ чего же ваша наука, для доказательства истинности ея положеній и для большаго торжества своего, не сдѣлаетъ нагляднаго опыта превращенія дикаря въ высокообразованнаго человѣка? Отъ чего она доселѣ не дошла еще до того, чтобы мозгъ дикаря привести въ одинаковое состояніе съ мозгомъ развитаго человѣка? Если у дикаря въ мозгу не достаетъ нѣсколькихъ дозъ какого-нибудь калия, натрія или тамъ еще чего..

— Не калия, натрия, а фосфора. —
— Хорошо... Если недостаетъ у него въсколькихъ дозъ фосфора въ мозгу, пусть бы она восполнила этотъ недостатокъ въ такомъ образомъ изъ дикаря при помощи своихъ специй сдѣлала бы развитого человѣка. Или вотъ еще бы лучше было, если бы ваша наука занялась обезьяною. Въдѣ обезьяна есть вамъ прародитель; она самое близкое къ человѣку животное по строенію своего тѣла по своей смысловности. Что бы стоило вашимъ ученымъ напищать обезьяну тѣми составными частями матеріи, какихъ недостаетъ въ ея мозгу сравнительно съ мозгомъ человѣка, и сообщить ей способность говорить, и разумно мыслить и нравственно-свободно дѣйствовать?.. Вотъ если бы она это сдѣлала, преобразила обезьяну въ человѣка, тогда она доказала бы, что у человѣка души нѣтъ, а есть только мозгъ съ его функціями и рефлексами. Вотъ тогда бы можно было сказать, что наукою доказано, что душа есть функція головного мозга, или что наука сказала свое послѣднее слово о душѣ. —
— Но со временемъ это непременно будетъ: наука до этого еще дойдетъ. —
— Дойдетъ? Стало бытъ, она теперь еще не дошла до конца своихъ изслѣдованій? Стало бытъ, она еще и не сказала своего послѣдняго слова и можетъ еще повернуть совсѣмъ въ противоположную сторону. А вы уже выдаете свою функцію головного мозга за послѣднее слово науки. —
— Но наука не можетъ повернуть въ обратную сторону. —
— Нѣтъ, можетъ. И она непременно повернетъ, когда въ своемъ стремленіи объяснить всѣ проявленія души по своему добудетъ до несвершимаго дѣлая въ своихъ выводахъ страшные скачки. Въ концѣ концовъ въ своихъ изслѣдованіяхъ она должна будетъ и въ своемъ ученіи о душѣ дойти до совершеннаго согласія съ Бибіею, такъ она дошла уже до согласія съ нею въ ученіи о потопѣ, единствѣ человѣческаго рода, порядкѣ мірозданія и многомъ другомъ, надѣ чѣмъ прежде подобны вамъ зарницы науки смѣялись, какъ надъ шпимыми баснями и вѣдѣльствами. —
..отъ зшэ гмт нм кітвн кіля іудип очояв ізод ахл іввз естѣ чѣловѣкъ, собака естѣ собака, Дубининъ естѣ

— Да все это наукою отвергается и теперь... все это басни, сказки.

Отлично! Значитъ, вы только знаете свою функцію головного мозга; а вовсе ничего не знаете относительно того, до чего дошла геологія въ своихъ выводахъ, или къ чему привели изслѣдованія палеонтологовъ?

— Да когда же все это было? Развѣ такъ недавно, что это не всѣмъ еще извѣстно?

— Это было не вчера и не сегодня; а уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ... А вы этого не знаете и все кричите, что наука все это признаетъ за басни, сказки и выдумки иезуитовъ, жрецовъ и поповъ, или за бредни русскаго кутеизма...

— Можетъ быть, и такъ; но до меня это не касается... Я утверждаю одно, что въ своемъ ученіи о душѣ наука назадъ не можетъ повернуть... Она положительно дознала, она доказала, что душа есть функція головного мозга, мысль есть движеніе или измѣненіе мозга, самосознаніе есть свойство мозга... словомъ, въ своемъ послѣднемъ выводѣ пришла къ тому заключенію, что души у человѣка вовсе нѣтъ, а есть у него головной мозгъ, который управляетъ все то, что вы приписываете душѣ...

Значитъ, по вашимъ словамъ наука окончательно отвергла, или лучше сказать, люди мнимоученые прокричали на весь свѣтъ отъ имени науки, что у человѣка нѣтъ души, какъ духа безсмертнаго, разумно-правственнаго и свободнаго. Что жъ? Для насъ это вовсе не новость. Мы знаемъ, что еще въ древнемъ мірѣ были люди, которые отвергали бытіе души человѣческой. А вы приписываете это послѣднему слову вашей науки? Значитъ, вы не знаете ни исторіи философіи, ни исторіи всемірной. А развѣ въ исторіи философіи и исторіи всемірной объ этомъ говорится?...

Да. А вы и не читали ни той, ни другой?

— Что за гадость! Опять попался... Но тогда вѣроятно это ученіе существовало въ другомъ видѣ: тѣ отвергали бытіе души бессознательно, а мы это утверждаемъ сознательно, какъ научную истину...

— Нѣтъ. И тогда были философы, которые сознательно отвергали бытіе души. Но вѣдь тѣ были язычники, люди

погрязшіе въ чувственности, думавшіе только о томъ, чтобы софизмами своей философіи заглушить въ себѣ голосъ разума и совѣсти, и выводившіе себя въ рядъ животныхъ. Они конечно очень жалки для здоровой мысли христіанина. Но еще жалче вы и ваши ученье, потому что вы живете въ XIX вѣкѣ не до Р. Хр. а послѣ Р. Хр.; вы вѣдь родились и воспитались при свѣтѣ христіанства, но добровольно отвергли этотъ небесный свѣтъ, погрузились во тьму языческаго невѣжества и хотите изъ чловѣка сдѣлаться скотомъ...

— Милостивый государь! говоря такъ, вы оскорбляете меня...

Оскорбляю?! Но чувствовать оскорбленіе можетъ лишь разумно-свободное существо, имѣющее душу, а вы признаете себя выродкомъ изъ обезьяны и отвергаете бытіе души самосознательной. Скажите же, какъ вы поняли, что мои слова оскорбительны для васъ? Обезьяна ими не оскорбилась бы... Этимъ пониманіемъ оскорбленія вы уже не говорите ли сами противъ себя и своей науки? Не доказываете ли того, что въ васъ есть что-то по выше матеріи, по важнѣе вашего тѣла? Тѣло чувствуетъ боль, когда его поражаютъ, бьютъ, дѣйствуютъ на него физическою силою; а я этой силы не употреблялъ въ дѣйствіе, не билъ васъ и не причинялъ вамъ боли въ тѣлѣ, а лишь сказалъ вамъ правду, которою вы не имѣете права оскорбляться, потому что вы сами же признаете себя выродкомъ обезьяны и отвергаете существованіе въ васъ души, безъ чего вы сами себя выводите изъ ряда людей и поставяете себя въ рядъ звѣрей...

— Милостивый государь! Еще разъ говорю вамъ, что мою личность...

— Личность?! Откуда же въ васъ сознание этой личности, когда все существо ваше плоть и матерія? Сознаніе личности свойственно только существу разумно-мыслящему и свободному, одаренному душею и способному отличать себя даже отъ своего мозга...

— Но во мнѣ есть сознание моего я...

— Откуда же оно у васъ? Какъ вы его выведете изъ функціи головного мозга?

— Сущность (самосознанія, или моего я) обуславливается устройствомъ мозга, который даетъ матеріи то направленіе, въ коемъ находится сущность самосознанія...

— Признаюсь, вы сказали нѣчто такое, что и понятъ мудрено... Но я еще спрошу васъ: откуда у васъ свобода дѣйствій, по которой вы часто дѣлаете не то, къ чему влекутъ у васъ ваши чувства и движенія вашего мозга? Откуда въ васъ совѣсть, одно одобряющая, а другое порицающая? Откуда въ васъ законъ нравственный? Какъ вы все это объясните движеніями вашего головнаго мозга и отнесете къ вашей функціи мозга?..

— Наука до этого еще не дошла, но непременно дойдетъ...

— Опять выходитъ, что она и послѣдняго своего слова души еще не сказала... А я вамъ скажу, что она съ своею функціею и не дойдетъ до этого. Если бы въ насъ не было начала высшаго, духовнаго, самостоятельнаго, совершенно отличнаго отъ матеріи, и мы бы управлялись только движеніями мозга, въ насъ не было бы ни самосознанія, ни свободы дѣйствій, ни совѣсти, ни закона нравственнаго, какъ ничего этого нѣтъ у обезьяны, животнаго самаго близкаго къ человѣку и вашего прародителя...

— Это все зависитъ отъ количества мозга и порядка движенія фосфора...

— Хорошо. Приведите же вы въ движеніе этотъ фосфоръ у обезьяны, а если у нея немного не достаетъ его, сообщите ей недостающее, и заставьте ее сознать свое я, быть свободною въ своихъ дѣйствіяхъ, руководиться совѣстію и изъ подчиняться предписаніямъ закона нравственнаго; тогда и утверждайте, что все это зависитъ отъ количества мозга и движенія фосфора. А теперь ваши слова одинъ пустой наборъ ихъ...

— Но я же сказалъ, что наука до этого дойдетъ...

— Но въды она по вашему сказала послѣднее слово души? Подайте же намъ доказательство вѣрности ея выводовъ; подтвердите ихъ опытами, безъ которыхъ ваша наука ничего не принимаетъ за истину.

— Опыты уже были сдѣланы: мозгъ человѣческій взвѣшенъ, изслѣдованъ, сравненъ съ мозгомъ животныхъ, и

изъ этого сравненія выведено понятіе о функціи, а вашей душѣ...

— Да, вы рѣзали лягушекъ, кошекъ, собакъ и трупы людей, разбирали по атомамъ мозгъ умершихъ людей, и отсюда то выводили свое послѣднее слово о душѣ. Но въ томъ-то и бѣда, что вы взвѣшивали, рассматривали, изслѣдовали, сравнивали матерію, изъ которой ничего не выходитъ самосознательнаго, разумнаго и свободнаго; вы рассматривали мозгъ трупа, и не мудро, что въ трупѣ не нашли никакой души, потому что ея въ немъ дѣйствительно нѣтъ. По этому вы и толковали бы о своихъ трупахъ, а не о душѣ, которая вовсе не можетъ подлежать ни рассматриванію ея въ микроскопъ, ни дѣйствию вашихъ анатомическихъ ножей: она не матеріальна...

— Ты, я вижу, большой фанатикъ, педантъ, обскурантъ, кутеистъ, самъ же всѣмъ навязываешь свое ученіе о душѣ на вѣру, а отъ науки требуешь опытовъ...

— Да. И это потому, что ваши Молешотты, Фохты, Дарвины, Съченковы и прочая братія сами же о себѣ трубятъ, что они все основываютъ на опытахъ анатоміи и физиологіи, а между тѣмъ берутся рѣшать вопросъ о существованіи души, которая вовсе не можетъ подлежать ни рассматриванію ея въ микроскопъ подобно атому головного мозга, ни дѣйствию анатомическаго ножа, или химическаго реагента.

— Тьфу! вскричалъ Дубининъ, вскакивая съ своего мѣста. Съ тобою, фанатикъ, говорить нельзя! ты опять взялся за опыты микроскопа и анатомическаго ножа...

— А вы постоянно угощаете насъ функціею головного мозга, да „это наукою дознано, доказано... наука сказала объ этомъ свое послѣднее слово“... Докажите же, что вы правы, сказала дѣвушка довольно смѣло.

— Тьфу!.. тьфу! Всѣ вы букваѣды! вскричалъ Дубининъ, и какъ мы въ эту пору приблизились къ вокзалу на станціи „Скуратово“, бросилъ свою книгу на диванъ и чуть не опрометью бросился изъ вагона и пошелъ въ вокзалъ.

— Братецъ! сказала дѣвушка П., неужели Дубининъ въ самомъ дѣлѣ студентъ университета? Мнѣ кажется, это бѣглець изъ сумасшедшаго дома... Неужели и ты въ академіи наберешься такихъ же плуностей, какъ и онъ въ

университетѣ? .. Ахъ, въ такомъ случаѣ пожалуйста не ходи въ академию... Ни я, ни всѣ наши родные не захотимъ тебя видѣть выродкомъ изъ обезьяны....

— Не бойся, отвѣтилъ П. Я имъ никогда не буду...

— Прошло съ четверть часа, и Дубининъ вернулся въ вагонъ со свирѣпымъ видомъ, красно-багровымъ лицомъ, взъерошенными волосами и кускомъ колбасы въ рукахъ. По всему видно было, что онъ былъ не въ духѣ. Давъ время ему успокоиться я снова обратился къ нему съ вопросомъ о доказательствахъ, что душа есть функція мозга.

— Г. Дубининъ! сказалъ я: вы говорите, что душа есть функція головного мозга.

— Да, наука это дозволяла опытомъ, доказала это несомнѣнно...

— Я это уж слышалъ. Теперь позвольте васъ спросить вотъ о чемъ: отъ чего и какъ именно происходитъ у насъ мысль, какъ проявленіе разумности нашей души, если самая душа, по мнѣнію вашихъ ученыхъ, есть только функція головного мозга?..

— Молешоттъ говоритъ, что „мысль происходитъ отъ движенія, перестановки и выдѣленія мозговой матеріи; она обуславливается перемѣною матеріи въ тканяхъ; но, пройдши сквозь мозгъ и кровь, она сама сжигается, превращаясь въ простыя соединенія, изъ которыхъ возобновляетъ свою жизнь распускающееся растеніе“.

— У, какое здѣсь хитросплетеніе! замѣтилъ П.

— Да, это не вашимъ головамъ понимать, отвѣтилъ Дубининъ. Это пойметъ одинъ только фізіологъ.

— Оставимъ эти препирательства, сказалъ я. Ваши ученые все основываютъ на опытахъ. Позвольте же спросить: вашъ Малешоттъ видѣлъ своими очами, какъ во время нашего мышленія мозговая матерія въ нашей головѣ двигается, переставляется и выдѣляется вслѣдствіе перемѣны матеріи въ тканяхъ тѣла и потомъ обращается въ мысль, какъ бы вѣчто матеріальное? Онъ видѣлъ и то, какъ сама эта мысль проходитъ сквозь мозгъ и кровь, сжигается и превращается въ какія-то простыя соединенія, изъ которыхъ возобновляетъ свою жизнь распускающееся растеніе? Т. е. онъ видѣлъ, какъ вашъ фосфоръ головного мозга превращается въ безплотную мысль, а потомъ эта без-

плотная, невещественная мысль проходитъ чрезъ мозгъ и кровь и вдругъ превращается въ горючій матеріаль-фосфоръ же, сгараетъ и превращается въ какойнибудь іодій, калий, натрій, или кислородъ, водородъ, азотъ, изъ которыхъ возобновляютъ свою жизнь распускающіяся растенія?...

— Ну, опять пошло въ ходъ „видѣль“!...

— Да. И это опять потому, что вы вѣдь толкуете о душѣ, какъ о матеріи, и хотите опираться на опыты. Скажите же, кто дѣлалъ эти опыты и какъ?...

— Но опытовъ произведено было безчисленное множество; ими-то положительно доказано, что тѣло наше, а слѣдовательно и мозгъ, постоянно измѣняется: по наблюденію физиологовъ, ни одна частица въ нашемъ живомъ организмѣ не остается на мѣстѣ долгое время, всѣ онѣ послѣдовательно входятъ въ составъ тѣла и выходятъ изъ него, такъ что чрезъ нѣсколько лѣтъ всѣ онѣ замѣняются новыми!...

— Прекрасно! Ваши ученые дѣлали эти опыты надъ тѣломъ, надъ матеріею. Какъ же вы съ ними переносите эти опыты на душу-то, не состоящую изъ матеріи? Если бы по вашему душа была лишь функціею головного мозга, то и она должна бы была также измѣняться, какъ и тѣло. А тогда какъ же не измѣнилось бы въ насъ наше сомознаніе? Какъ тогда осталось бы въ насъ наше сознаніе самихъ себя тѣмъ же я, какимъ мы были за нѣсколько лѣтъ прежде? Какъ тогда остался бы въ насъ неизмѣняемый законъ нравственный? Какъ наши разумъ и совѣсть остались бы тѣми же судіями нашихъ поступковъ, какими и прежде были? Какъ возможна бы была самая память, не механическая только, но разумная, сознательная и долговременная, если бы она была лишь простымъ, случайнымъ дѣйствиємъ постоянно измѣняющейся и какъ бы текучей горючей матеріи? Съ измѣненіемъ, а тѣмъ болѣе съ совершеннымъ уничтоженіемъ матеріи, естественно должны бы были исчезнуть и всѣ напечатлѣнные на ней образы; все прежнее невозвратно тогда исчезало бы вмѣстѣ съ исчезновеніемъ самой матеріи!...

— Тутъ ничего нѣтъ мудренаго. Исчезающія частицы нашего мозга всѣ полученныя ими впечатлѣнія передаютъ тѣмъ новымъ частицамъ, которыя замѣняютъ ихъ!...

—Какъ же это возможно? Вотъ у васъ сдѣланъ на пальцѣ случайный надрѣзь; болное мѣсто заживаетъ; старыя частицы тѣла здѣсь замѣняются новыми: могутъ ли эти отживающія частицы передать сдѣланный на нихъ надрѣзь новымъ частицамъ? Или вотъ еще: съ дерева спадаетъ листь и замѣняется новымъ, или у птицы выпадаетъ перо и замѣняется новымъ: можетъ ли этотъ спадающій листь или выпавшее перо сообщить сдѣланный на нихъ случайный надрѣзь другому листу или перу?

—Но впечатлѣнія эти передаются точно такъ же, какъ отъ одного зеркала передаются другому видимые въ нихъ образы.

—Пожалуй бы и такъ съ перваго взгляда на это. Но, 1) въ зеркалѣ образы предметовъ отпечатлѣваются въ ту пору, какъ самые предметы находятся предъ зеркаломъ; отымите отъ зеркала изображаемый въ немъ предметъ, и образъ его исчезнетъ; 2) въ зеркалѣ предметы и отпечатлѣваются и исчезаютъ съ разу: разбейте зеркало и видѣнный въ немъ образъ предмета сейчасъ же исчезнетъ; 3) отъ зеркала къ зеркалу передача образовъ можетъ быть тогда только, когда предъ однимъ зеркаломъ будетъ находиться самый предметъ, такимъ образомъ, что въ другомъ можетъ быть видимъ не онъ самъ, а отраженіе его образа отъ перваго зеркала: отымите этотъ предметъ, тогда ни образа его въ первомъ зеркалѣ, ни отраженія во второмъ не будетъ, или разбейте первое зеркало, во второмъ пропадетъ отраженіе образа этого предмета.

—А на негативѣ въ фотографіи и въ глазу убитаго отражаются же образы?..

—Да. Но какъ? не такъ же ли, какъ въ зеркалѣ? Вѣдь и тутъ возможно отпечатлѣніе одного предмета въ извѣстномъ пространствѣ и въ извѣстный моментъ: помѣстите сюда еще другой-третій образъ, и ни одного не будетъ видно. И такъ, если предположить, что въ мозгу нашемъ предметы нашего мышленія отпечатлѣваются какъ въ зеркалѣ или глазѣ или на негативѣ; то какъ тогда было бы возможно долговременное и очень многостороннее знаніе и памятованіе многихъ предметовъ нашихъ познаній? Тогда все должно было бы или слишкомъ скоро вылетать изъ нашей памяти и исчезать навсегда, или же ваше зер-

кальное впечатлѣніе мыслей, понятій и многоразличныхъ предметовъ званія на нашемъ мозгѣ, и при томъ каждой мысли въ отдѣльности, совсѣмъ не вмѣстились бы въ нашъ мозгъ: вѣдь есть люди знающіе десятки томовъ исторіи, словесности и многихъ другихъ наукъ...

— Какъ именно эти впечатлѣнія сохраняются и передаются, наука пока еще не рѣшила этого окончательно; но современемъ рѣшитъ!

— Опять не рѣшила! Да что же она у васъ рѣшила-то, чтобы доказать, что душа есть функція головного мозга?... Если она даже этого не рѣшила, то тѣмъ болѣе она не можетъ рѣшить того, какъ и отъ чего происходятъ наши мысли. Если бы душа наша была только функціею головного мозга, тогда ни обиліе мыслей, ни многосторонняя память вовсе не были бы возможны, между тѣмъ какъ мы знаемъ людей, которые въ короткое время пишутъ объемистые томы сочиненій, или заучиваютъ ихъ: въ первомъ случаѣ весь вашъ головной мозгъ долженъ бы былъ сгорѣть, истощиться, и человекъ вдругъ оупѣлъ бы и лишился способности мыслить, а во второмъ онъ былъ бы такъ обремененъ отпечатками впечатлѣній, что не въ состоянн бы былъ запомнить еще что нибудь. А мы этого никогда не видимъ, напротивъ же усматриваемъ, что чѣмъ болѣе человекъ упражняется въ мышленіи и изобреніи своей памяти, тѣмъ большее обиліе мыслей является у него и тѣмъ скорѣе онъ все запоминаетъ. При томъ, обратите свое вниманіе на самое появленіе у насъ мыслей. Откуда у насъ иногда появляется такое обиліе ихъ, что не успѣете записывать ихъ? Откуда у насъ являются мысли о предметахъ самыхъ возвышенныхъ и притомъ внезапно, когда мы прежде о нихъ и не думали? Неужели ихъ производить само собою движеніе вашего „мозга, все управляющаго“, эта бездушная, не самопроизвольно движущаяся матерія? Неужели все это есть только проявленіе функціи головного мозга? Откуда у насъ понятія о такихъ предметахъ, образы которыхъ не могутъ входить въ нашъ мозгъ чрезъ чувства внѣшнія, и которые, какъ безформенные, не могутъ впечатлѣваться на нашемъ мозгѣ, т. е. понятія о предметахъ духовныхъ, отвлеченныхъ, не подлежащихъ нашимъ чувствамъ? Откуда въ насъ вѣ-

дѣтъ новыя частицы, которыя замѣняютъ ихъ...

которое предчувствіе і будущаго? Какъ тѣмъ насъ возмож-
ныя мысли о собственномъ же нашемъ мышленіи и оцѣн-
ка своихъ же собственныхъ мыслей, намъ реній, чувство-
ваній, желаній и дѣйствій? Неужели все это творить,
воплощать, производить мертвая сама въ себѣ, бездум-
ная матерія — головной мозгъ? Отъ матеріи можетъ ли
произойти что-нибудь не матеріальное? Нѣтъ! Подобное
производитъ только подобное: матерія производитъ только
матерію силами природы, а духъ производитъ духовное,
не матеріальное, силою данныхъ ему способностей и за-
коновъ духовныхъ. Процессы питанія тѣла, возрастанія,
пищеваренія и другихъ органическихъ отравленій тѣла —
вотъ это дѣло матеріи, приводимой въ движеніе и соеди-
неніе ея частицъ силами физической природы, вотъ это
подлежитъ опытамъ вашей науки-физиологии... Но выс-
шія проявленія человѣческаго духа: разумность, свобода,
мышленіе, самосознаніе, самоопредѣленіе, стремленіе къ
богоподобной святости отнюдь не подлежатъ опытамъ фи-
зиологии или анатоміи, какъ бы нѣчто матеріальное... они
принадлежатъ къ области разумнаго духа, самостоятель-
наго, самодѣтельнаго, или личной субстанціи, которую
мы называемъ душею...

— И такъ, что же такое по-вашему душа?

— Душа есть духъ богоподобный, или существо совер-
шенно отличное отъ тѣла, невещественное, свободное, ра-
зумное и бессмертное. Такое понятіе о душѣ не выра-
ботано людьми при помощи галлюцинацій или видѣній
тѣней, какъ думаетъ вашъ Гейлоръ, а было сообщено че-
ловѣку самимъ же Творцемъ его и прошло чрезъ всѣ вре-
мена и чрезъ всѣ періоды исторіи человѣчества...

— Это какимъ же образомъ?

— Очень просто. Первый человѣкъ, Адамъ былъ соз-
данъ существомъ богоподобнымъ, совершеннымъ, но въ
тоже время и свободнымъ. Совершенства своего разума
онъ выразилъ въ названіи всѣхъ животныхъ свойствен-
ными имъ именами, а свободу своей воли въ нарушеніи
данной ему Богомъ заповѣди. Грѣхъ растлилъ его суще-
ство и затмилъ въ немъ его совершеннѣйшія понятія о
Богѣ, мірѣ и человѣкѣ, но не уничтожили ихъ совсѣмъ.
Адамъ и послѣ своего паденія и изгнанія изъ рая имѣлъ

правильное понятіе о Богѣ, какъ Творцѣ міра, и о своей душѣ, потому что Богъ не оставилъ его своею милостію и направлялъ его на путь истины. Безъ сомнѣнія Адамъ сообщилъ свое понятіе о душѣ всѣмъ дѣтямъ своимъ. Но вотъ въ этой же первой семьѣ человѣческаго рода совершается ужасное преступленіе: братъ убиваетъ брата по зависти и досадѣ. Впавшій въ отчаяніе, мучимый своею совѣстію и преслѣдуемый мыслию объ убитомъ братѣ, Каинъ, думая укрыться отъ лица Божія и гнѣва своихъ родителей, беретъ свою жену и бѣжитъ съ нею далеко отъ мѣстожительствъ родителей. Отъ него происходитъ нечестивое племя, которое ни Бога не знаетъ, ни о душѣ своей не думаетъ и живетъ подобно безсловеснымъ для своего только удовольствія. За то подъ руководствомъ самаго же Адама, а потомъ Сива и другихъ патріарховъ распространяется другое на землѣ племя, которое и въ Бога вѣруетъ и о душѣ своей печется. Развращается потомъ и это племя, но не все: остается праведнымъ Ной, который спасается отъ потопа и дѣлается родоначальникомъ всего человѣчества послѣ-потопнаго. Развращаются люди и послѣ потопа; но Господь воздвигаетъ патріарховъ, которые сохраняютъ истинную вѣру въ Бога и истинное понятіе о душѣ до самыхъ временъ Моисея, а потомъ Господь даетъ людямъ законъ чрезъ Моисея, и истинная вѣра въ Бога и истинное понятіе о душѣ начинаютъ переходить изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ уже не по преданію, а по ученію закона письменнаго, и доходятъ до нашего времени, сохраняясь въ церкви Божіей неизмѣнно, не смотря на тысячи философскихъ системъ, старавшихся по своему изложить все ученіе о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ... Всѣ эти системы пали, а библейская истина стоитъ и никогда не падетъ..

— Нѣтъ! вскричалъ Дубининъ. Если бы это говорилъ какой-нибудь Сѣменовъ или Дарвинъ, я бы имъ повѣрилъ; но разъ, что это говоритъ попъ, не вѣрю ничему... Я нигилистъ, не вѣрю ни въ Бога, ни въ дьявола, ни въ свою душу... Ну, если есть Богъ и чудеса, пусть я сейчасъ же провалюсь сквозь полъ этого вагона... тогда можетъ быть и повѣрю...

— Г. Дубининъ! не кощунствуйте, сказалъ я: Богъ всегда силенъ поразить васъ, но онъ по своему милосердію ни чьей не хочетъ погибели, а ждетъ покаянія и обращенія на путь истины.

Тутъ я рассказалъ Дубинину одинъ случай, какъ у насъ въ городѣ Господь за подобное же кощунство наказалъ одного мѣщанскаго сына И..., который и доселѣ еще страждетъ подъ испытующею его десницею Вышняго, во всемъ цвѣтѣ своихъ лѣтъ лишившись разума, дара слова и воли, и подобно безсловесному лежа нагимъ въ своей постелѣ, какъ въ моговищѣ.

— Опять скажу то же, вскричалъ Дубининъ: расскажи это Дарвинъ, я повѣрилъ бы, даже расскажи вотъ эта прекрасная сосѣдка, я повѣрю; а попу никогда, никогда и никогда.

— Если хотите, сказала дѣвушка, я расскажу вамъ, что слышала или гдѣ-то читала, не помню. Одинъ священникъ имѣлъ разговоръ съ невѣрующимъ въ загробную жизнь. Послѣ множества доказательствъ истины безсмертія души, которыя всѣо безусловно, въпрочемъ и голословно, были отвергнуты невѣрующимъ, священникъ наконецъ обращается къ нему съ такимъ вопросомъ: ну, что если вы ошибаетесь, отвергая загробную жизнь? Что если она есть? Мы ничего не потеряемъ, если будемъ вѣровать въ него, а ея не будетъ. Но чѣмъ вознаградите вы свою потерю, если она будетъ, а вы въ нее теперь не вѣруете? Себе-сѣдникъ нашъ погрузился въ невольное раздумье, которое вскорѣ прервано было свисткомъ, возвѣстившимъ наше приближеніе къ станціи, гдѣ мы съ нимъ и разстались.

Свящ. М. Бурцевъ.

МЫСЛИ ПО ПОВОДУ ИСПОЛНЕНІЯ ДРЕВНЕЙ ЦЕРКОВНОЙ МЕЛОДІИ, ГАРМОНИЗОВАННОЙ ВЪ ЧИСТО-ДІАТОНИЧЕСКОМЪ ТРЕЗВУЧИИ Н. М. ПОТУЛОВЫМЪ(*).

Кто внимательно слѣдитъ за развитіемъ музыкальнаго искусства вообще, и въ частности — за постановкою церковнаго пѣнія, безъ сомнѣнія, знакомъ съ руководствами для изученія послѣдняго. Не далеко то время, когда можно будетъ и не жаловаться на нашу бѣдность въ такихъ руководствахъ. Ибо въ то время, когда одни трудятся надъ гармонизаціею древней мелодіи, сряду же предлагая и руководства для изученія ея (напр. Н. М. Потуловъ)(**), другіе занимаются разработкою древле-пѣвческихъ матеріаловъ (напр. Общество археологовъ въ Москвѣ)(***); иные же избираютъ для себя задачею составленіе учебниковъ для школьнаго употребленія.

У однихъ успѣховъ мы замѣчаемъ больше, у другихъ меньше. Не вдаваясь въ критическій разборъ, мы лишь замѣтимъ одно, что пріятно встрѣчаться съ личностями нашего времени, трудящимися по избранной специальности въ благомъ намѣреніи своими трудами принести истинную пользу тому дѣлу, которому взялись служить, зная, что первая обязанность этого служенія — изучить въ совершенствѣ свой предметъ. И на оборотъ: съ неумѣлими и навязчивыми субъектами встрѣчаться вовсе непріятно. Извѣстно, что тѣхъ и другихъ на свѣтѣ не мало. Нельзя не примѣтить, что между послѣдними есть только начинающіе свою профессію, неустановившіеся, какъ должно, на твердой почвѣ пониманія истинныхъ задачъ своей науки, не окрѣпнувшіе въ должномъ усвоеніи требуемыхъ качествъ специалиста. Таковыхъ на свѣтѣ больше, и труды ихъ не переживаютъ своихъ дѣятелей. Но тѣ за то бессмертны, которые своими учеными (въ широкомъ значе-

(* Продолженіе. — См. № 12.

(**) См. его книгу: „Руководство къ практическому изученію древняго богослужебнаго пѣнія Россійской церкви“ М. 1873 г.

(***) См. „Труды 1 московскаго архіологическаго съѣзда“ М. 1871 г.

ни этого слова) трудами опередили не свой только вѣкъ, но и цѣлое грядущее поколѣніе, которые стали образцемъ для многихъ будущихъ тружениковъ науки. Тѣмъ не менѣе и начинающіе дѣятели, подобно передовымъ и образцовымъ, обладаютъ въ извѣстной мѣрѣ правомъ оставаться на своихъ трудахъ вниманіе почитателей науки.

Бываетъ, что съ перваго взгляда на трудъ, или вѣрнѣе на оплавленіе труда новаго автора, какъ начинающаго писателя, обыкновенно думается, что, при всеобщихъ основныхъ положеніяхъ цѣвческой науки, мы встрѣтимъ въ немъ новыя, неизвѣстныя никому кромѣ автора, добавленія и разъясненія въ частностяхъ предмета, обойденныя въ подобныхъ сочиненіяхъ его собратіями по перу; думается также и то, что не довольно легкое изложеніе предмета для первоначальнаго, элементарнаго, изученія его по другимъ подобнымъ сочиненіямъ, авторъ сдѣлаетъ болѣе легкимъ посредствомъ новаго метода изложенія въ своемъ трудѣ. Что же мы зачастую видимъ? Такъ, отдѣливъ въ иной книжкѣ о церковномъ пѣніи все то, что не относится къ главной задачѣ сочиненія, т. е. все не церковное, скученное безъ всякаго разбора и плана, мы видимъ въ авторахъ такихъ книжекъ (по меньшей мѣрѣ) простыхъ спекулянтовъ, у которыхъ главная забота состоитъ лишь въ томъ только, чтобы составить какую-нибудь книжку съ заманчивымъ заглавіемъ и потомъ продавать ее за приличную цѣну.

Неоспоримо, что частныя усилія въ общественномъ дѣлѣ въ большинствѣ случаевъ оказываются слабыми и потому не всегда бываютъ надежны къ достиженію цѣли. Тѣмъ не менѣе такое общественное дѣло, какъ церковное пѣніе, требуетъ со стороны и частныхъ дѣятелей не отложнаго содѣйствія въ благоустроеніи его на томъ основаніи, что оно есть достояніе всякаго благомыслящаго человѣка съ религиознымъ настроеніемъ. Похвально усердіе полезныхъ дѣятелей, и, на оборотъ, достойна порицанія дѣятельность тѣхъ, которые, взявшись за дѣло безъ призванія и безъ достаточной подготовки, доказываютъ лишь бесплодность толченія воды въ ступѣ.

О церковномъ пѣніи, его характерѣ и техническомъ устройствѣ, существуютъ несогласныя мнѣнія, одно дру-

тому противоположныя и одно другаго не лучше, такъ какъ зачастую берутся разсуждать о характерѣ церковнаго пѣнія и его качествахъ, не давши себѣ труда напередъ изучить его. Говорятъ, наприм., что церковное пѣніе тогда только и имѣетъ свое значеніе, когда оно исполняется въ церкви: или отборными и хорошими головами, какъ наприм. хоромъ хорошо обученныхъ пѣвчихъ, по нотамъ нашихъ отечественныхъ духовно-музыкальныхъ композиторовъ, или—простыми нашими дьячками по нотамъ Синодскихъ изданій, или даже—мірскими по наслышкѣ съ тѣхъ и другихъ нотъ. Но прежде, чѣмъ утверждать что нибудь подобное, нужно рѣшить слѣдующій вопросъ: какое именно пѣніе надобно почитать церковнымъ? Рѣшеніемъ послѣдняго вопроса сами собою могутъ рѣшиться всѣ другіе вопросы, соприкасающіеся съ дѣломъ церковнаго пѣнія. Трудъ рѣшенія уже довольно облегченъ для насъ изслѣдованіями, составляющими многолѣтніе ученые по сему предмету труды людей съ призваніемъ и судьей компетентныхъ, къ сужденію которыхъ мы для своей цѣли и обращаемся.

Одинъ изъ ученыхъ археологовъ, покойный князь Влад. Теодор. Одоевскій(*), всю жизнь свою посвятившій, среди многихъ другихъ своихъ обязанностей, на изученіе разсматриваемаго нами предмета, знаменитость, всѣмъ музыкальнымъ міромъ уважаемая, такъ рѣшаетъ вопросъ о церковномъ пѣніи: „Русское церковное пѣніе не есть собственно музыка, какъ обыкновенно полагаютъ; оно, если угодно, есть часть музыки, но поставлено въ такія немзыкальныя условія, что отнюдь не всѣ существующія нынѣ музыкальныя правила, или-точно-обычаи, могутъ къ нему примѣняться; напротивъ нѣкоторые изъ нихъ находятся въ прямомъ противорѣчій съ назначеніемъ церковнаго пѣнія(**). Далѣе въ той же статьѣ тотъ же уче-

(*) Свѣдѣнія о дѣятельности его сообщены: а) Д. В. Разумовскимъ въ „Трудахъ 1-го Моск. Археолог. Съѣзда 1871 г.“ и б) Н. В. Пүтятовъ въ 2-й кн. „Русск. Архива“ 1874 г.

(**) Курсивъ въ подлинникѣ. См. „Труды 1-го Моск. Археолог. съѣзда 1871 г.“ стр. 41. Статья въ „Трудахъ“ озаглавлена такъ: *Краткія замѣтки о характеристикѣ русскаго, церковнаго, православнаго, пѣнія*

ный изслѣдователь дѣлаетъ положительное указаніе на книги, въ которыхъ заключаются истинные напѣвы церковные: „Древніе напѣвы русской церкви“ говоритъ онъ, восходящіе къ XII вѣку, какъ исторически безспорно доказывается, сохранились только, и единственно, въ пяти нотныхъ книгахъ *изданія Святѣйшаго Синода*, напечатанныхъ квадратными нотами поды слѣдующими названіями:

1. Нотный (пространный) обиходъ.
2. Нотный (сокращенный) обиходъ.
3. *Ирмологій* нотнаго пѣнія.
4. *Октоихъ* нотнаго пѣнія.
5. *Праздники* нотнаго пѣнія.

„Всѣ другія изданія, хотя поды тѣми же названіями“, (надобно думать, что кн. Одоевскій имѣлъ въ виду переложенія съ древняго напѣва въ 4-голосную гармонію, сдѣланныя поды руководствомъ покойнаго директора придв. пѣвч. капеллы А. Ѳ. Львова, а также опыты и многихъ другихъ переложателей, не исключая протоіер. П. И. Турчанинова) „не имѣють въ церковномъ смыслѣ никакого значенія, ибо въ нихъ древній напѣвъ искаженъ“.

И такъ въ православной русской церкви признаются истинными, т. е. неискаженными, только *древніе* напѣвы, современные первымъ вѣкамъ христіанства въ Россіи, нынѣ печатающіеся въ синодскихъ изданіяхъ; всѣ же другія изданія нотныхъ положеній, и прежнія и новыя, не непогрѣшительны. Тѣмъ не менѣе въ церкви мы слышимъ, и любимъ слушать, пѣніе новое, такъ называемое партеснымъ, издающееся печатно круглыми нотами, поды названіемъ духовно-музыкальныхъ сочиненій и переложеній, о распространеніи коихъ едва ли не во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ такъ сильно хлопчуть, хотя программы ихъ и педагогическіе протоколы хранятъ объ этомъ самое глубокое молчаніе, по крайней мѣрѣ не слышно, чтобы кому-либо приходилось встрѣтиться въ учебныхъ программахъ съ объясненіями: какое именно пѣніе, древнее или новое, имѣли въ виду составители программъ, когда приходила очередь до вписыванія въ нихъ уроковъ по „церковному пѣнію“.

Нѣтъ сомнѣнія, что новое пѣніе, партесное, какъ искусство, заслуживаетъ уваженіе не только поды часъ за

приятность его для слуха, но и за талантъ композитора, но отъ этого же сочиненія, какъ новизны, а главное какъ порожденія личной фантазіи композитора, слѣдовало бы потребовать для его водворенія на церковномъ клиросѣ болѣе законныхъ правъ, чѣмъ сколько даетъ ему критерій приятности для слуха и уваженія къ таланту композиторскому. Это пѣніе, скажемъ прямо, обязано имѣть на свое водвореніе въ церкви наслѣдственное право, осуществленіе котораго должно начинаться тамъ и тогда гдѣ и когда бы прекратилось право *древняго* церковнаго пѣнія (*). Но сего послѣдняго не случилось, и мы увѣрены, что никогда не случится. По этому наше новое, партесное, пѣніе, водворившееся въ церкви, совмѣстно съ пѣніемъ древнимъ, есть такъ сказать усыновленное дѣтище церковно-пѣвческой практики, а не законно кровное племя ея по прямой линіи родства. Оно вызвано изъ области композиторской фантазіи по волѣ старинныхъ меломановъ, пресыщенныхъ акустическими наслажденіями своего времени. Исторія умалчиваетъ о законныхъ побужденіяхъ къ переимѣнѣ древняго пѣнія на новое въ нашей Великороссійской церкви. Если въ такихъ случаяхъ позволительны догадки, то мы могли бы указать на знаменитаго Палестрину, великаго маэстро Римской церкви XVI в., какъ родоначальника церковно-западной композиціи, послужившей, быть можетъ, образцемъ для подражанія сначала въ сопредѣльныхъ Риму областяхъ, а потомъ уже далѣе, до предѣловъ нашего отечества, композиціи, которая, впрочемъ, по отзывамъ зналоковъ (**), стоитъ ближе всѣхъ композицій къ древней православной мелодіи. Но при всемъ томъ мы далеки отъ того, чтобы догадку свою выдавать за историческій фактъ; подлинно извѣстно только то, что партесное пѣніе первоначально появилось на нашемъ юго-западѣ въ концѣ XVI, и развилась не далѣе начала XVII в. Такимъ образомъ отъ начала появленія партеснаго пѣнія

(*) Самъ знаменитый новаторъ, Всерос. патр. Никонъ, съ величайшею осмотрительностію относился къ церк. пѣнію, дозволивъ у себя исполнять только греческій в кievскій налѣвъ въ гармоническомъ положеніи. См. „Странникъ“ 1863 г.

(**) Дарощъ въ „Соврем. Ивнѣст.“ № 186, 1871 г.

въ Русской церкви до нашего времени прошло не много болѣе двухъ съ половиною столѣтій. Принимая же во вниманіе то время, когда южныя церкви озабочивались организаціею пѣвческихъ хоровъ съ партеснымъ пѣніемъ для своихъ елиросовъ, а нашъ сѣверъ продолжалъ еще оглашаться пѣніемъ древнимъ мелодическимъ, мы съ достовѣрностію можемъ отчислить отъ времени процвѣтанія партеснаго пѣнія въ Великой Россіи цѣлое полстолѣтіе.

Современное намъ общество любителей церковнаго пѣнія, болѣе или менѣе, знакомо съ новымъ, партесно-положеннымъ, пѣніемъ. Ему извѣстно, что основныя правила въ современной духовно-музыкальной композиціи общи съ таковыми же для всякихъ композицій, правила ихъ одни и тѣ же: что для церкви, что для театра, что и для цыганскаго табора. Но всего менѣе мы знакомы съ основными правилами въ пѣніи древнемъ, этомъ исконномъ достояніи православной церкви, на право пользованія которымъ, равно и изученія его, она никому никогда не только не предписывала запрещенія, а еще напротивъ указывала на средства развитія его въ массахъ народныхъ(*).

Древнее церковное пѣніе всегда имѣло, имѣетъ теперь и, несомнѣнно, до скончанія вѣка будетъ имѣть безъ измѣненія опредѣленную форму своего построенія мелодическаго. Когда говоримъ о древнемъ пѣніи, мы имѣемъ въ виду пѣніе *знаменное*, или *столповое*, наше Русское, освященное многовѣковымъ церковнымъ употребленіемъ, пѣніе, сохраненіемъ котораго мы обязаны заботливой старинѣ. Предки наши, по примѣру св. пѣснопѣвцевъ и пѣснописцевъ Греческой церкви, вдохновляемые святою ревностію по благолѣпію церковнаго богослуженія, и въ свое время оберегали, и для насъ — своихъ потомковъ оберегли эту форму, и передали ее намъ какъ заветную святыню, не поддаваясь искустельному (по временамъ) обаянію сладкогласныхъ, всецѣло мірскихъ, а посему несомнѣстныхъ съ достоинствомъ св. церкви тѣмъ не менѣе для слуха пріятныхъ, внѣ церковно-православной ограды измышленныхъ, мелодическихъ и гармоническихъ звуко-

(*) См. а) „Стоглавъ“ по изд. Кожанчикова гл. 26; б) „Временникъ“ стр. 388 и дал.; в) Указъ Свят. Синод. 22 дек. 1804 г.

выхъ сопряженій(*). Остается и намъ, въ священной памяти о своихъ предкахъ, соблюсти съ ними единеніе въ церковной жизни, чтобы такимъ образомъ и чрезъ насъ перешла въ наслѣдіе нашимъ потомкамъ та священная форма древней мелодіи, которая равно какъ тогда при всѣхъ гоненіяхъ и ересяхъ на востокъ и западъ, такъ и потомъ при всей тяжести татарщины(**) и полячества у насъ на Руси, сохранилась безъ измѣненія, благодаря исключительности начертанія безлинейныхъ нотныхъ знаковъ, называемыхъ иначе крюковыми. Теперь нельзя съ достовѣрностію сказать, что стало бы съ нашимъ древнимъ, знаменнымъ пѣніемъ, если бы оно изображалось тогда во времена церковныхъ и народныхъ бѣдствій нотами линейными. Но то вѣроятно, что, при сходствѣ графическихъ звуко-выраженій церковной мелодіи посредствомъ нотъ линейныхъ, допускающихъ переписываніе легче всего дѣлать описки, въ особенности при отсутствіи типографскаго станка, мы теперь были бы въ опасности не только лишиться навсегда торжественнаго знаменнаго пѣнія, но и не знать ему цѣны, подобно тому, какъ въ XVI в. во время столпаго собора, по тогдашнему еще въ цвѣтущее время для безлинейнаго пѣнія, наша Русская церковь, по представленію самаго Царя Грознаго(***), увидѣла себя въ необходимости озаботиться возстановленіемъ, вмѣстѣ „со всякимъ строеніемъ церковнымъ“, и церковнаго пѣнія въ томъ видѣ и порядкѣ, къ какому привыкла она изстари, такъ какъ въ то время „по многимъ святымъ церквамъ Божиимъ звонятъ и поютъ не во время, кромѣ Божественнаго устава“. До того простиралась забота ревнителей „церковнаго строенія“.

Подлинно ли наше древнее пѣніе таково, что оно стоило того, чтобы его такъ ревниво оберегала восьмивѣковая

(*) Такое обаяніе намъ слышится, впрочемъ изрѣдка, изъ устъ самихъ древнихъ пѣвцовъ, когда они между собою спорятъ и ссорятся, или хвалятся, одинъ говорить: „азъ есмь Шайдуровъ ученикъ! А инъ хвалится Лукошковымъ ученіемъ. Инъ вѣдаетъ Баскаковъ переводъ, инъ Усольскій, инъ Христіяниновъ“... См. въ „Изслѣдов.“ Ив. П. Сахарова сочиненіе инокъ Евфросина.

(**) См. „Истор. Гос. Росс.“ Карамз., по изданію Смирдина, т. V, гл. 1 стр. 87.

(***) См. „Стогл.“ потому же изд. гл. V вопр. 1, 5, 33 и 34.

церковно-пѣвческая практика, что и намъ также должно дорожить имъ? Отвѣтъ мы найдемъ въ исторіи. Начало историческаго сказанія о качествахъ православно-богослужбнаго пѣнія въ Русской церкви принадлежитъ „степенной книгѣ“. Сказаніе, правда, краткое, но зато фактически-вѣрное, послужившее основаніемъ для исторіи у всѣхъ изслѣдователей церковно-пѣвческаго искусства. Да и возможно ли, въ интересѣ справедливости, пренебрегать какими бы то ни было краткими сказаніями объ этомъ искусствѣ, когда, кромѣ такихъ сказаній и памятниковъ въ видѣ старописьменныхъ книгъ съ безлинейными нотами, никакихъ еще источниковъ не открыто и, вѣроятно, не осталось (*). Истинный любитель церковнаго древняго пѣнія не можетъ не уважить и таковыхъ, безъ притязанія на ученость выраженныхъ, замѣчаній нашихъ предковъ, какъ напр. слѣдующихъ: „такъ издревле повелеса“, или что напѣвы справлены по книгамъ, писаннымъ „за четыреста лѣтъ и вяцше“. Впрочемъ любознательный свободенъ изучать свой предметъ, относящійся къ области церковно-пѣвческаго искусства, по многимъ другимъ, нынѣ уже открыто существующимъ, источникамъ, очищеннымъ отъ примѣсей здоровою критикою, и, при постоянствѣ труда, изучать его во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ.

Изученіе какъ напѣвовъ, такъ въ особенности знаковъ нотнаго, безлинейнаго, знаменнаго пѣнія въ наше время можетъ съ пользою служить не только къ отличію церковнаго гласа (весьма важный пунктъ) въ существующей древней мелодіи, но, для талантливыхъ, и къ составленію таковой къ избранному пѣснопѣнію изъ текстовъ Богослужебныхъ книгъ нотныхъ, напр. къ пѣснопѣнію на „подобенъ“. Составъ церковнаго гласа, какъ равно и знаковъ нотныхъ, впрочемъ въ позднѣйшей и — такъ сказать — классической ихъ формѣ, съ самыхъ раннихъ вѣковъ христіанства въ Россіи, въ мелодическомъ отношеніи не потерпѣлъ ни на одну іоту измѣненія: онъ какимъ былъ

(*) Любопытно знать, какой результатъ получится изъ сообщеннаго г. Н. Р. свидѣнія о существованіи (будто бы) древней нотной азбуки въ Прусскомъ раскольническомъ монастырѣ, о которой заявлено въ № 18 „Церк. Вѣстн.“ прошлаго 1876 г.

тогда, такимъ остался и по нынѣ. Въ повѣрѣхъ и сличеніи единства гласовыхъ напѣвовъ у древнихъ пѣвцовъ съ нотными, Богослужебными, книгами, намъ современными, мы можемъ находить для себя одну изъ побудительныхъ причинъ къ изученію древнихъ безлинейныхъ знаковъ. И только при отысканіи и указаніи такого единства возможно внѣдрить въ любителей охранительную ревность по соблюденію разъ навсегда принятаго св. церковію порядка во всѣхъ ея чинопослѣдованіяхъ и ихъ формахъ.

Очень можетъ быть, что трудъ изученія нотныхъ, безлинейныхъ, знаковъ многимъ нынѣ покажется, излишнимъ, запоздалымъ, особенно въ виду того, что большая часть церковныхъ пѣснопѣній издается уже печатно Св. Синодомъ на линейныхъ нотахъ, признанныхъ безусловно легчайшими къ употребленію и усвоенію напѣвовъ, и охотно посему принятыхъ и церковію и мірскими обществами для изображенія мелодій ко всякимъ другимъ пѣснопѣніямъ (см. напр. „Духовные псалмы“ Почаевской типографіи). Пусть все это и будетъ дѣйствительно такъ. Но встрѣчаемся же мы весьма нерѣдко съ такими поклонниками старины, для коихъ гвоздеобразныя надписи въ Ниневійскихъ и другихъ развалинахъ составляютъ предметъ денно-нощныхъ усилій, чтобы прочесть эти надписи и свѣрить ихъ содержаніе съ библейскими сказаніями о судьбѣ древнихъ народовъ. Послѣ этого нечему удивляться, если нынѣ любитель православнаго Богослужебнаго пѣнія, въ широкомъ значеніи этого слова, сначала самъ терпѣливо изучаетъ, потомъ и намъ истолковываетъ и начертаніе и значеніе безлинейныхъ знаковъ, кажущихся часто какими-то уродливыми произведеніями младенчествававшей народной фантазіи, но тѣмъ не менѣе имѣющихъ свой глубокой смыслъ и — наконецъ — если любитель своимъ трудомъ прокладываетъ широкую тропу, ведущую поклонниковъ старины къ благоговѣйному созерцанію усцѣховъ въ пѣвческомъ искусствѣ какъ у нашихъ предковъ, такъ и вообще у всѣхъ народовъ древности. Трудъ не легкой; но таковъ удѣлъ для всѣхъ тружениковъ науки. Благодаря такимъ трудамъ, мы теперь знаемъ, что древнее, православно богослужебное, пѣніе, во всей своей торжественности и цѣлости, дошло до насъ чрезъ нашихъ

предковъ хотя путемъ многообразныхъ перемѣнъ во внѣшней формѣ нотныхъ начертаній(*), но безъ утраты своихъ внутреннихъ, мелодическихъ, качествъ, будучи въ свою очередь заимствовано предками, вмѣстѣ съ православною вѣрою, а также и чиномъ Богослуженія, отъ церкви Греческой(**). Вотъ эти-то начертанія безлинейныхъ знаковъ и суть тѣ нотные знаки, посредствомъ которыхъ наши предки выражали мелодію церковныхъ пѣснопѣній въ томъ именно видѣ, въ какомъ они сами приняли ее преемственно отъ грековъ. Слѣды этой преемственности доселѣ сохранились въ названіяхъ нѣкоторыхъ старинныхъ знаковъ, обличающихъ греческое свое происхожденіе(***)).

Для насъ уже достаточно ясно, что православное богослужebное пѣніе имѣетъ свою исторію и свою археологію. Нашимъ ученымъ археологамъ пришлось не мало надъ нимъ потрудиться, имъ пришлось пересмотрѣть всѣ книгохранилища, и въ нихъ всѣ до единой книги (нотныя), чтобы такимъ образомъ изъ вѣка въ вѣкъ прослѣдить по нимъ за судьбою его. Понятно, какъ великъ и сколь не легокъ былъ для ученыхъ специалистовъ трудъ составленія церковно-пѣвческой исторіи церковнаго пѣнія, изъ которой такимъ способомъ образовалась нынѣ особая, самостоятельная, наука. Только подъ руководствомъ этой новой науки съ успѣхомъ можно слѣдить за судьбою православнаго богослужebнаго пѣнія, и по уцѣлѣвшимъ нотнымъ памятникамъ древности изучать его.

(Окончаніе въ слѣд. №1.)

(*) Чрезъ добавленіе „признаковъ“ и „помѣтъ“, что конечно, не отнимаетъ у нихъ первоначальнаго, безъ добавленій, значенія основныхъ знаковъ.

(**) См. а) „записку“ Митр. Филар. 23 января и б) „Изслѣдов.“ Д. В. Разумовскаго въ „Чтеніяхъ общ. любит. дух. просвѣщ.“ 1863 г.

(***) См. тоже „изслѣдованіе“ Д. В. Разумовскаго.

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Тула. Июля 3. — Его Высокопреосвященство служилъ литургію въ Богородичномъ общежительномъ монастырѣ, а по окончаніи оной молебень по случаю празднованія тезоименитства Его Император. Высочества благовѣр. Государя велик. Князя Сергія Александровича (вм. 5 ч.).

— 5. — По случаю храмоваго праздника обрѣтенія чест. мощей препод. и богоноснаго отца нашего Сергія игумена Радонежскаго чудотворца Его Высокопреосвященство служилъ соборѣ литургію въ Казанской церкви съ праздничнымъ молебномъ, по случаю храмоваго праздника въ одномъ изъ придѣловъ этой церкви.

— 8. — На праздникъ Казанской иконы Божіей матери Его Высокопреосвященство въ Николочасовенской церкви служилъ литургію съ праздничнымъ молебномъ, по случаю храмоваго праздника въ придѣлѣ этой церкви.

— 10. — Его Высокопреосвященство служилъ литургію въ Успенскомъ соборѣ, а по окончаніи оной, при соучастіи всего градскаго духовенства молебень по случаю благополучно совершившагося перехода русскихъ войскъ черезъ Балканы и по случаю празднованія тезоименитства Ея Император. Высочества благовѣр. Государыни велик. Княгини Ольги Феодоровны и Ихъ Величествъ Королевы Эллиновъ Ольги Константиновны и Королевы Виртембергской Ольги Николаевны (вм. 11 ч.), съ возглашеніемъ многолѣтія Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ, Государю Наслѣднику, Супругѣ Его и Сыну ихъ, главнокомандующему велик. Князю Николаю Николаевичу и всему царствующему Дому, христолюбивому воинству, и вѣчной памяти всѣмъ усолшимъ воинамъ, положившимъ животъ свой на брани за вѣру, Царя и отечество. Молебствие это совершено въ присутствіи г. начальника губерніи и другихъ начальниковъ военнаго и гражданскаго вѣдомствъ и множества народа.

— 12. — Его Высокопреосвященство совершилъ освященіе вновь открытаго третьяго лазарета для больныхъ и раненыхъ воиновъ, въ домѣ г. Полонскаго на дворянскои улицѣ. Въ этомъ лазаретѣ устроены 30 кроватей для низшихъ чиновъ и 3 для офицеровъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Правила о взаимныхъ отношеніяхъ настоятелей и ихъ помощниковъ, завѣдующихъ особыми церквами въ одномъ и томъ же приходѣ, изданныя самарскимъ епархіал. начальствомъ (*).

8. Клировыя вѣдомости представляются настоятелемъ, куда предписано, общія о всемъ причтѣ, хотя бы настоятель и его помощники завѣдывали и разными церквами одного и того же прихода.

9. По церквамъ, ввѣреннымъ помощникамъ настоятеля, предоставляется вести текущіе приходы и расходы самимъ помощникамъ съ церковнымъ старостою, на основаніи существующихъ на сей предметъ правилъ; но во всѣхъ болѣе важныхъ случаяхъ, въ которыхъ по инструкціи церковнымъ старостамъ 17 апрѣля 1808 года и уставу духов. консисторій 27 марта 1841 года испрашивается разрѣшеніе епархіал. начальства, какъ то: въ случаѣ употребленія значительной церковной суммы на пріобрѣтеніе для церкви различныхъ, или утварныхъ вещей, или на исправленіе и перестройку, равно какъ въ случаѣ пріобрѣтенія для церкви, или отчужденія изъ ея владѣнія имущества, отдачи церковнаго имущества въ оброчное содержаніе и т. п., необходимо согласіе настоятеля, отъ имени котораго, вмѣстѣ съ его помощникомъ и церковнымъ старостою, дѣлаются и самыя представленія епархіал. начальству. Согласно сему правилу, приходо-расходныя книги особыхъ церквей одного прихода ведутся по каждой по принадлежности церкви настоятелями или ихъ помощниками съ церковнымъ старостами; но по окончаніи года, завѣдующіе особыми церквами помощники съ церковными старостами представляютъ перечневую вѣдомость церковныхъ приходо- и расходовъ настоятелю, который затѣмъ составляетъ и представляетъ, куда слѣдуетъ, общую вѣдомость по всѣмъ церквамъ его прихода, безъ смѣшенія однако же приходо- и расходовъ по одной церкви съ другою.

(*) Окончаніе. Начало см. въ № 13.

10. Приходскіе документы, т. е. книги брачныхъ обысковъ, метрики и исповѣдныя росписи отдѣльныхъ церквей одного прихода, ведутся по каждой церкви особно настоятелемъ, или помощникомъ, съ означеніемъ церкви по принадлежности и общаго прихода; но по окончаніи года завѣдующіе особыми церквами помощники представляютъ подлинныя экземпляры метрикъ и исповѣдныхъ вѣдомостей по своимъ церквамъ настоятелю, который, по соединеніи сихъ документовъ по всѣмъ церквамъ своего прихода, представляетъ ихъ, куда слѣдуетъ, отъ своего имени.

11. Настоятель прихода обязанъ имѣть вѣрныя свѣдѣнія о состояніи церквей и причтовъ своего прихода, о свойствѣ и количествѣ доходовъ, какъ церковныхъ, такъ и причтовыхъ, о нравственно-религіозномъ состояніи отдѣльныхъ частей приходской общины. Эти свѣдѣнія онъ пріобрѣтаетъ отъ своихъ помощниковъ, а также изъ представляемыхъ ему помощниками церковныхъ документовъ и разныхъ срочныхъ свѣдѣній, для представленія обществу документами и срочными же свѣдѣніями отъ своей церкви. (Самар. Е. В. № 19-й 1876 г.).

ОПЕЧАТКА ВЪ № 13 ТУЛ. ЕП. ВѢД. 1877 Г.

Стр. 4, строка 19 снизу напечатано: *лже земная мудрствуютъ*, слѣдуетъ: *уже земная мудрствуютъ*.

Редакторъ протоіерей А. Иванавъ.

Дозволено цензурою 13 Іюля 1877 года.

Типографія Н. И. Соколова, въ Тулѣ.

оковы, велѣлъ отвезть ихъ въ городъ Валенцію и посадить въ самую смрадную тюрьму. Черезъ нѣсколько дней, выведши Викентія изъ тюрьмы, онъ велѣлъ его строгать, распять на крестѣ и бить по каждому члену его тѣла. Снявши же его съ креста и растянувши, бичевали и жгли ему бока. Потомъ вывихнувши ему всѣ члены, положили ему на грудь раскаленные желѣзные прутья. Наконецъ, заключенный въ тюрьму, онъ удостоился Божией и ангельской помощи и потомъ предалъ духъ свой Богу.

Въ тотъ же день память святой мученицы Стефаниды.

Бывши женою одного военнаго, происходя отъ предковъ христіанъ, по смерти мужа, оставаясь вдовою, она увидала, что святой Викторъ терпитъ страданія, превышающія силы человѣческія, и называла его блаженнымъ за это терпѣніе и за вѣнцы, уготованные ему Богомъ. За это привели ее къ правителю области. И когда она исповѣдала Христа предвѣчнымъ Богомъ, ей вытянули руки, привязали ихъ къ двумъ финиковымъ деревьямъ, прежде силою наклоненнымъ одно къ другому, потомъ пущеннымъ: когда эти деревья пришли въ свое естественное положеніе, она была разорвана на двѣ части и такимъ образомъ предала душу свою Богу.

Въ тотъ же день память святаго отца нашего Θεодора, игумена Студійскаго.

Онъ жилъ въ царствованіе Константина Копронома и былъ сынъ благочестивыхъ родителей, Фо-

тина и Θεоктисты. Проводя съ дѣтства добродѣтельную жизнь, онъ изучалъ науки и достигъ высшей степени образованія. Вступивши въ монашество и исполняя всѣ виды добродѣтели, онъ великимъ Тарасіемъ удостоенъ былъ священническаго сана. И когда преподобный Платонъ, тогдашній игумень студійскаго монастыря, оставилъ настоятельскую должность, блаженный Θεодоръ поставленъ былъ настоятелемъ и ввѣренное ему стадо путешествовалъ и пасъ на пажитяхъ спасенія. Когда святой Тарасій удаленъ былъ отъ управленія церковію, въ то же время и этотъ великій Θεодоръ, подвергнутый бичеванію, сосланъ былъ въ Θεссалонику Константиномъ, сыномъ царицы Ирины, за то, что они оба обличали его за разводъ съ законною своею супругою и за женитьбу на другой. Когда же ослѣпленный Константинъ лишился царства, Θεодоръ вызванъ былъ изъ ссылки, но потомъ опять былъ сосланъ къ озеру Аполлоніадскому, а оттуда пересланъ въ Анатолю, гдѣ мужественно вытерпѣлъ данные ему сто ударовъ по спинѣ бичами, а потомъ и еще отъ главнаго военачальника подвергнутъ былъ жестокому бичеванію. Отсюда пересланный въ Смирну, заключенъ былъ въ самую смрадную тюрьму и подвергнутъ жестокимъ мученіямъ на деревѣ. Но когда и этотъ (военачальникъ) удаленъ былъ отъ управленія царствомъ, и воцарился Михаилъ, великій Θεодоръ освобожденъ былъ отъ узъ и вызванъ изъ ссылки. Немного успокоившись въ обществѣ людей ему преданныхъ, онъ почилъ о Господѣ. Онъ былъ сухощавъ, лицомъ блѣденъ, волосы имѣлъ полусѣдыя, нѣсколько плѣшивъ.

12.

Въ двѣнадцатый день тогоже мѣсяца, память святаго отца нашего Іоанна, архіепископа александрійскаго, милостиваго.

Онъ былъ родомъ Кипрянинъ, сынъ начальника той стороны, Епифанія. По желанію отца, онъ женился и имѣлъ дѣтей; но когда и жена, и дѣти его умерли, онъ все свое стремленіе обратилъ на приумноженіе добродѣтели и на Богоугожденіе. За свою знаменитую жизнь, онъ поставленъ архіепископомъ александрійскимъ, вслѣдствіе просьбы объ этомъ александрійскаго народа предъ царемъ Иракліемъ. Поставленный на свѣщникъ, по выраженію Евангелія, онъ какъ пламя, свѣтилъ вселенной и первый запретилъ сдѣланное къ трисвятой пѣсни прибавленіе, когда нѣкоторые злонамѣренно прибавили къ словамъ: святой безсмертный слова: распявшійся за насъ. Пробывши въ архіерейскомъ санѣ много лѣтъ и совершивши весьма много чудесъ, онъ щедро давалъ бѣднымъ необходимое для нихъ. Вслѣдствіе этого получилъ онъ названіе милостиваго и чтимый всѣми, даже самыми невѣрующими, какъ видно изъ исторіи или книги, написанной объ немъ, перешелъ къ Господу.

Въ тотъ же день память преподобнаго отца нашего Нила, подвижника.

Онъ, въ царствованіи Маврікія, былъ извѣстнымъ епархомъ Константинопольскимъ, отличавшимся крас-

норѣчьемъ. Имѣя почтенную жену и двухъ дѣтей, мальчика и дѣвочку, онъ убѣдилъ свою супругу оставить Константинополь и поселиться въ монастыряхъ египетскихъ, у себя оставивъ сына Θεодула, а ей отдавъ дочь. Поступивши такъ, они разстались другъ съ другомъ. И когда блаженный Ниль, прибывши съ сыномъ своимъ на синайскую гору, жилъ съ тамошними отцами, нѣкоторые варвары внезапно сдѣлали на нихъ нападеніе, какъ звѣри, и сына его Θεодула съ весьма многими другими, увели въ плѣнь. Ниль плакалъ чрезмѣрно о плѣненномъ, какъ это видно изъ составленнаго имъ сочиненія. Удостоенный сана священника, онъ написалъ много подвижническихъ поученій весьма мудрыхъ, разумныхъ и назидательныхъ, силою слова и благодатию Св. Духа настройвающихъ къ подвижничеству; написалъ также весьма много посланій и главъ и чрезъ нихъ многихъ обратилъ къ Божественной любви Христовой и мирно кончилъ жизнь. И онъ, и сынъ его Θεодулъ, вмѣстѣ съ другими подвижниками лежатъ, какъ говорятъ, въ досточтимомъ храмѣ святыхъ Апостоловъ, въ сиропитательницѣ, подъ жертвенникомъ, перенесенныя туда царемъ Юліаномъ.

Въ тотъ же день память святаго отца нашего Мартина чудотворца епископа Франгійскаго.

Онъ жилъ при царѣ Траянѣ. Назначенный отъ него военачальникомъ, онъ посланъ былъ на войну съ варварами. Увидѣвши множество непріятелей, онъ почувствовалъ страхъ, какъ и естественно; но

во снѣ, вслѣдствіе божественнаго явленія, ободренный обѣщаніемъ побѣды надъ врагами, онъ вступилъ съ ними въ бой и всѣхъ обратилъ въ бѣгство. Получивши за это великую благодарность отъ царя, онъ самъ приносилъ благодарность царю небесному, который даровалъ ему неожиданную побѣду за такое оказанное имъ благодѣяніе. Ибо, предъ вступленіемъ его въ сраженіе, одинъ бѣдный подошелъ къ нему съ жалобой на свою бѣдность. Святой, по состраданію къ нему, оторвалъ часть отъ своей верхней одежды и отдалъ ему. За это онъ увидѣлъ во снѣ Господа, который, представши ему, сказалъ: такъ какъ ты кормилъ меня голоднаго и одѣвалъ меня нагаго, то я буду съ тобою, укрѣплю тебя и дамъ тебѣ побѣду надъ врагами. Благодаря за это Бога, онъ вступилъ въ монашество и, въ теченіе семи лѣтъ, упражнясь въ подвижнической жизни и изучая священное писаніе, рукоположенъ былъ въ епископа города Константины, находившагося въ Галліи. Онъ благодатию Христовою воскрешалъ мертвыхъ, живаго голубя обратилъ въ золотого, чтобы помочь нуждѣ просившаго милостыню, и опять возвратилъ его въ прежнее состояніе. Совершивши весьма много другихъ чудесъ, онъ кончилъ мирно земную жизнь.

Въ тотъ же день память святаго пророка Ахія.
Онъ былъ уроженецъ Силома, города Иліева, въ которомъ въ древности находилась скинія. Этотъ пророкъ говорилъ о Соломонѣ, что онъ прогнѣваетъ

Господа, и обличалъ Героваама за то, что онъ коварно ходитъ предъ Господомъ. Онъ видѣлъ двухъ воловъ, попиравшихъ храмъ и бросившихся на священниковъ, и вавилонянъ, пришедшихъ и плясавшихъ въ храмъ. Онъ предсказалъ о Соломонѣ, что жены сведутъ съ ума его и весь родъ его. Скончавшись мирно, онъ былъ погребенъ подлѣ дуба Силомскаго.

Въ тотъ же день память святаго отца нашего Мартина, епископа Таракинскаго.

Онъ былъ уроженецъ Сиворіи тафонійской, знатнаго рода, у Иллиріянъ считался великимъ и украшался апостольскими достоинствами. Страдая отъ навітовъ единомышленниковъ аріевыхъ и публично битый ими, онъ скрылся. Прибывши въ Медиоланъ, онъ и здѣсь терпѣлъ тоже отъ епископа Авксентія, который также былъ аріаниномъ. Вынужденный этими обстоятельствами, онъ удалился на островъ Таларію, пустынный и необитаемый, находившійся близъ Этрурскаго моря и питался здѣсь одними корнями растеній. Поэтому въ послѣдствіи онъ былъ поставленъ епископомъ церкви тиракинской и столько прославился любовію къ бѣднымъ, что прежде все неимущимъ раздавши, послѣ того, когда ему, имѣвшему на себѣ одну одежду, случалось встрѣчать терпѣвшаго холодъ (отъ недостатка одежды), онъ отрѣзывалъ свою одежду до колѣнъ и отдавалъ бѣдному. Увидѣвши однажды мертвеца, котораго несли хоронить и котораго одинъ человекъ, ложно

говорившій, что покойникъ остался ему долженъ фунтъ золота, не дозволялъ похоронить, святой воскресилъ мертваго, а этому лежецу, обличенному во лжи, велѣлъ умереть вмѣсто того. Живши такъ богоугодно и совершая такія чудеса, онъ мирно почилъ.

Въ тотъ же день память святыхъ мучениковъ, Антонія и пострадавшихъ вмѣстѣ съ нимъ.

Они жили при Максиміанѣ. Антоній былъ уже старъ, а Никифоръ, Зевина и Германъ еще юноши. Ихъ взяли въ Кесарію и, когда они смѣло исповѣдали Христа, имъ отрубили головы, а дѣвицу Марѳу, уроженку Скиѳополя, водили на позоръ по всѣму городу нагуо и наконецъ бросили въ огонь, гдѣ она и кончила жизнь.

13.

Въ тринадцатый день того же мѣсяца память святаго отца нашего Іоанна, архіепископа Константинопольскаго, Златоустаго.

Этотъ великій свѣтильникъ и знаменитый учитель вселенной родился въ великомъ городѣ Антіохіи. Отецъ его Секундъ, бывшій военнымъ начальникомъ, и мать Аноуса, оба исповѣдывали христіанскую вѣру и были благочестивы. Еще съ отрочества почувствовавши великую склонность къ словеснымъ наукамъ, онъ при стараніи приобрѣсти познанія въ нихъ, имѣя острыя способности, изучилъ всѣ языческія науки, слушая уроки у антійохійскихъ софи-

стовъ, Ливанія и Андрагаѳія, потомъ учился въ Аѳинахъ. Хорошо ознакомившись съ сочиненіями языческими и христіанскими и достигши высшей степени познаній въ этомъ отношеніи, онъ украсилъ свою жизнь дѣвственностію и чистотою и Мелетіемъ, патріархомъ антїохійскимъ, возведенъ былъ въ званіе клирика, а Флавіаномъ посвященъ былъ въ санъ діакона и пресвитера. Написавши много превосходныхъ поученій о покаяніи и о благоустроеніи нравственности, онъ, по смерти Нектарія, предстоятеля Константинопольской церкви, по выбору епископовъ и по повелѣнію царя Аркадія, вызванный изъ Антіохіи, назначенъ былъ архіереемъ въ столичномъ городѣ и принялъ рукоположеніе по церковному постановленію. Съ этого времени онъ еще больше сталъ трудиться надъ изъясненіемъ священнаго писанія и въ бесѣдахъ предлагать народу ученіе, которое многихъ обратило къ Богопознанію и исправленію жизни. Онъ велъ такую подвижническую и воздержную жизнь, что питался небольшимъ количествомъ ячменнаго отвара. Спалъ мало и при томъ стоя, поддерживаемый веревками; если же когда чувствовалъ слабость, то сидя. По чрезвычайному челоуѣколюбію къ бѣднымъ и по многому другому, онъ былъ образцемъ; потому и въ поученіяхъ своихъ непрестанно побуждалъ исполнять эту добродѣтель и избѣгать любостыжанія. Поэтому-то онъ съ перваго же раза пришелъ въ столкновеніе и съ царицею Евдоксіею и подвергся ея непріязни. Ибо она отняла виноградникъ у одной вдовы, и вдова жаловалась, желая обратно получить свою собственность.